

СЕРГЕЙ ДОЗОРОВ

АРОН РОДОВИЧ

ВЯЗЬМИН ДЕТЕКТИВ-ПРИЗЫВАТЕЛЬ

Сергей Дозоров

Вязьмин. Детектив-призыватель

«Автор»

2026

Дозоров С.

Вязьмин. Детектив-призыватель / С. Дозоров — «Автор», 2026

Труп моего кредитора нашли прямо на выпускном экзамене. Особенно некстати, если ещё утром ты был взрослым частным детективом из другого мира, а теперь — семнадцатилетний барон, последний наследник разорённого рода и самый удобный подозреваемый. Чтобы получить лицензию, мне нужен успешный призыв. Чтобы сохранить усадьбу — раскрыть убийство за одиннадцать дней. А единственный помощник, которого дал мне родовой Реестр, — наглый барсук Фыр. Он чует страх, требует мясо и кусает по делу. Что ж. Для первого расследования сойдёт.

© Дозоров С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	65
Глава 11	72
Глава 12	79
Глава 13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Дозоров

Вязьмин. Детектив-призыватель

Глава 1

— Стёпин не падал с лестницы. Его держали за руки, пока ломали правую ногу. — Я положил лицензию частного детектива агентства «Верное дело» рядом с чашкой Виктора Уварова, гербовой стороной вверх, и прижал краем документа первый снимок из травмпункта. — А теперь вы расскажете, кто держал.

Уваров дёрнулся к фотографии и едва не опрокинул кофе. Тёмная капля перелетела через блюдце, попала на полированную столешницу; он растёр её большим пальцем, словно именно это пятно сейчас требовало всего его внимания. Телефон он сдвинул к краю стола экраном вниз. За его спиной высокое окно было заперто на зимний шпингалет, справа от меня потрескивал камин, а в пяти шагах за спиной вздрагивала от сквозняка дубовая дверь. Один выход, одно закрытое окно и человек за дверью, который уже дважды задел створку каблуком.

— Посмотрите на руки Стёпина. — Я развернул фотографию к хозяину кабинета. — Чистые. Человек, который летит по лестнице и пытается спасти лицо, оставляет кожу на перилах, забивает пыль под ногти, сдирает кожу хотя бы с одной кисти. У вашего инженера на обоих предплечьях, сразу над суставом, по четыре синяка. В правой голени — два перелома; между ними — ширина фаланги. Ступень не выбирает одну точку и не бьёт туда дважды. Это сделали чем-то тяжёлым, пока двое держали его лицом к полу.

Уваров наконец поднял глаза. За первым испугом уже собиралась злость: знакомая, хозяйская, уверенная, что любой вошедший в этот кабинет либо проситель, либо подчинённый. Он взял третий снимок — перила без единой свежей царапины — и перевернул рубашкой вверх.

— Он был пьян, упал сам, а теперь его сестра решила заработать на несчастном случае. Забирайте лицензию, Матвей Сергеевич, пока я не позвонил людям, которые объяснят вам разницу между расследованием и вымогательством.

— Позвоните. Заодно спросите у отдела кадров, зачем вы требовали при найме справку нарколога у человека, который пятнадцать лет не пьёт. — Я вытянул снимок из-под его руки и вернул к остальным. — Сестра Стёпина пришла ко мне после того, как брат очнулся и успел сказать: в среду он видел что-то в вашем гараже. Что именно, договорить не успел. Челюсть ему тоже сломали.

У окна мягко щёлкнула камера телефона. Валерия Светлова, мой партнёр по агентству, снимала открыто, не пряча ни аппарат, ни красную точку диктофона на экране. Её больше занимал поднос у кресла: два бокала, один с влажным отпечатком большого пальца, и серебряная запонка в форме подковы возле ножки. На манжетах Уварова блестела монограмма. Подкова принадлежала тому, кто ждал снаружи.

— Уберите телефон, Светлова, — велел Уваров, глядя только на меня.

— Тогда попросите вашего человека перестать подслушивать, — Лера присела, подняла запонку салфеткой и показала её в камеру. — Левый манжет, судя по царапине на застёжке. И мокрый: от серебра пахнет сырой штукатуркой. Говорите громче, Виктор Павлович, у меня памяти хватит на всех присутствующих.

Уваров машинально потрогал собственную запонку. Потом сомкнул обе руки вокруг чашки, спрятал их в фарфоровом тепле и заговорил уже тише:

— Скорую вызвал я. Ровно в семь утра. Соседи подтвердят и звонок, и то, что никакой драки ночью не слышали.

— Соседка из дома напротив подтвердит время, — сказал я. — А ваш охранник у ворот подтвердит, что в семь вас ещё не было на объекте. Он открыл вам в семь двадцать три и очень гордится точностью новых часов.

Фарфор скрипнул в руках Уварова. Он поставил чашку, промахнулся мимо блюдца и оставил на столе второй кофейный круг.

— Если Стёпина держали двое взрослых мужчин, он бы орал. Соседи услышали бы.

— Двое, — подхватил я раньше, чем он успел понять собственную оговорку. — Стёпин лежал лицом вниз и не видел ни одного. Про двоих я вам ещё не говорил, Виктор Палыч. Который из них сейчас ждёт за дверью?

Уваров открыл рот, но ответил не мне. Взгляд ушёл поверх моего плеча, и в нём на миг показалась такая просьба, какую хозяева обычно берегут для тех, кому платят за грязную работу.

— Косой.

Дверь распахнулась сразу. Человек с чуть съехавшим в сторону левым глазом шагнул в кабинет, будто всё это время держал ручку двери нажатой. На его левом манжете не хватало запонки. Ботинки промокли до щиколотки, хотя третий день стояла сухая погода: гараж Уварова окружал асфальт, зато утром под окнами Стёпина прорвало трубу, и вода ещё час текла по двору.

Косой увидел телефон в руке Леры и больше ни на кого не посмотрел. Два шага — и стол отрезал её от двери. Лера попятилась к окну, прижала аппарат к груди, а свободной рукой направила на подоконнике тяжёлое стеклянное пресс-папье.

— Уже поздно, — сказала она Косому и чуть повернула экран, показывая ползущую полосу загрузки. — Запись ушла.

Он сжал Лерин рукав выше кисти раньше, чем она успела поднять пресс-папье. На ткани проступили четыре вдавленные полосы, с обратной стороны — одна, глубже. Точно так держали Стёпина. Только сейчас передо мной была не фотография.

Я врезался Косому плечом в бок, отрывая его от Леры. Он качнулся, но не отпустил её; пришлось повернуть корпус и ударить предплечьем под локоть. Хват разжался. Лера выскользнула к двери, а Косой поймал меня за ворот, развернул вместе с собой и швырнул спиной к камину.

Край каминной полки вошёл под основание черепа. Кабинет вспыхнул белым, правая рука онемела от плеча до кисти, колени сложились. Вместе со мной из решётки высыпались угли; один провалился в ворс ковра, второй лёг на мой рукав и прожёл шерсть до кожи.

— Матвей! — Лера плеснула на меня водой из вазы, просунула руку под плечо и потащила прочь от огня. — Ноги ставь! Слышишь меня? Ставь ноги!

Я слышал. Ноги — нет. Каблуки волочились по паркету, цепляясь за край ковра, а от правого плеча вниз будто отрезали всё тело. Косой настиг нас у двери, оторвал Леру от меня и вытолкнул в приёмную. Она успела вцепиться в его мокрый манжет; ткань затрещала, на пол отлетела нитка, но Косой выбил её в коридор и захлопнул створку.

Ключ повернулся снаружи один раз, коротко и буднично. Косой запер внутри и меня, и Уварова. Запись уже ушла на сервер; живые свидетели ему больше не требовались.

Лера ударила пресс-папье в замок. Дубовая створка вздрогнула, из филёнки вылетела щепка. Второй удар смешался с её кашлем.

— Матвей, файлы дошли! Я вызвала пожарных, слышишь? Ползи к двери!

Огонь нашёл портьеру и одним рывком поднялся выше человеческого роста. Кабинет, ещё минуту назад просторный, сжался вокруг стола и кресла. Уваров вылез из-за него на четвереньках, дополз до окна и вцепился в шпингалет. Металл за зиму прикипел. Уваров рванул ещё раз, сорвал ногти и закричал — впервые за всё утро честно.

Я подтянулся к двери левой рукой. Полметра. Ещё рывок. Дыхание приходило короткими горячими глотками; ковёр лип к локтю расплавленным ворсом. С той стороны Лера снова ударила в замок и заорала моё имя.

Третий удар отозвался уже не в дубе — в камне под моими коленями.

— Барон Вязьмин! — рявкнул незнакомый голос. — Формулу до конца, или покиньте круг!

Я вдохнул дым, а в горло вошли горячий мел и озон. Вместо горящего ковра под локтем оказался начищенный паркет, расчерченный голубыми линиями; вместо Леры за дверью — сто с лишним людей на скамьях амфитеатра. Молодое сердце било в рёбра чаще, чем должно было моё. Правое плечо слушалось. Ноги держали. Только кожа выше кистей ещё хранила давление чужой хватки, а шея под воротником всё ещё ждала жара. Мел сухо скрипнул под сапогом и окончательно вытеснил треск огня.

Магистр Долгих поднял длинную указку и снова ударил металлическим наконечником возле моего сапога. От кругов по голубому огню дрогнула фамильная печать на запястье.

— Последняя попытка, барон. Комиссия ждёт.

Я выпустил несуществующий ковёр, выпрямился внутри мелового круга и услышал собственный голос — моложе прежнего на двадцать лет, но с той же привычкой не отдавать последнее слово чужому человеку:

— Именем крови и памяти рода — явись!

Печать обожгла запястье ледяным кольцом. Голубые линии рванулись к центру, встретились под моими сапогами, и над кругом хлопнул воздух. Что-то мохнатое, тяжёлое и до крайности недовольное собственной доставкой рухнуло сверху на паркет, перекатилось через плечо, снесло медный подсвечник и с разбега вскарабкалось мне на левый сапог.

Зверь оказался размером с хороший чемодан: серый, широкоспинный, с белыми полосами на морде и когтями, испачканными свежей землёй. Он пах лесной норой после дождя сильнее, чем весь экзаменационный зал пах мелом. Одним глазом зверь осмотрел комиссию, другим — меня, затем втянул носом воздух и выразительно поморщился.

— Это и есть великий наследник рода? — Хрипловатый голос прозвучал прямо в голове, с интонацией существа, которое разбудили ради чужой глупости. — Дайте другого.

Зверь фыркнул и отряхнулся, обдав мои сапоги мелом.

— Фыр? — попробовал я звук вслух.

— Это я плюнул.

— Поздно. Будешь Фыром.

Он задрал морду, будто выбирал между укусом и оскорблением, и остановился на третьем варианте:

— Тогда ты будешь Должником. От тебя пахнет чужими деньгами и пустым желудком.

Короткий толчок памяти молодого тела разложил зал по именам и ценам. Академия Магического Сыска. Выпускное испытание. Родовой Реестр Вязьминых, слабый настолько, что комиссия уже оставила в ведомости место под «отклонение». Без зачёта Лев Вязьмин не получит сыскную лицензию и право практики. До контрольной даты по займу под заложенную усадьбу — одиннадцать дней.

— Пустой желудок исправим после экзамена, — тихо ответил я барсуку.

— Мясным пирогом. Я не нанимался спасать великий род на каше.

Магистр Долгих следил за мной поверх раскрытой ведомости. Против имени «Лев Вязьмин» уже сохло аккуратное «отклонение», а после моего разговора с пустотой перо легло к бумаге снова.

— Потрудитесь прокомментировать результат родового призыва, барон.

— Род Вязьминых расширил список традиций. — Я присел рядом с Фыром, провёл рукой над его спиной и отдернул её прежде, чем он успел проверить добычу на вкус. Молодое колено хрустнуло под непривычным углом; тело напоминало о себе не болью, а избытком силы. — Отныне фамильяр выбирается по компетенции, а не по перьям.

— Компетенция, — возмутился Фыр. — Ты призвал меня в зал, где сто человек пахнут страхом, трое — чернилами, один мертвецом, а пирогом не пахнет никто.

Слово ударило раньше смысла.

— Кто пахнет мертвецом?

Фыр повернул голову к составной ширме за моей спиной, но ответить не успел. Из служебного прохода между её секциями вылетел тощий парень в форменном сюртуке, явно перебитым с чужого плеча. Он зацепил локтем ткань; за ширмой грохнул опрокинутый стул. В правом кулаке блеснул узкий серебристый футляр с гербом Академии.

— Держите его! — Ректор Игнашевич вскочил так резко, что кресло опрокинулось ему под ноги.

Двое конвойных бросились от стены наперерез. Парень метнулся между рядами, поскользнулся на вощёном паркете и на один удар сердца потерял равновесие. Этого хватило. Я поймал его выше кисти, второй рукой перехватил локоть и развернул спиной к себе, не позволяя рвануть к открытому окну.

— Не бейся, только хуже сделаешь. Вдохни и поставь обе ноги на пол.

— Я не крал! — Он ударил затылком мне в подбородок, дёрнулся всем телом и невольно раскрыл кулак, выставив футляр перед сотней свидетелей. — Мне велели отнести, я уже возвращал! Я не открывал его!

Один конвойный ухватил парня за свободную руку и потянул локоть вверх. Я перехватил конвойного за предплечье.

— Так вы получите вывих и испорченное показание. Держите плечо, не кисть.

— Кто вы такой, чтобы указывать конвою?

— Человек, который первым посмотрел на руки.

Я поднял кисти задержанного к свету. Кожа была гладкой и чистой: ни серебристого блеска индикаторной пыли, которая въедалась в каждого, кто лез в зарядное гнездо Ключа, ни

ссадин от тугой защёлки. Зато на левом плече форменная ткань смялась четырьмя глубокими полосами, а с обратной стороны проступал отдельный тёмный след.

Пожар, кабинет Уварова, хватка Косого поверх Лериного рукава — всё это ещё жило в моих мышцах. Теперь память наконец отдала долг.

— Его долго держали за плечо, — сказал я. — Потом сунули уже закрытый футляр. Он не открывал гнездо сам.

Конвойный ослабил нажим, но руки не убрал. Фыр протиснулся между его сапогами, бесцеремонно боднул носом полу сюртука и втянул воздух так глубоко, что бока раздались.

— Дешёвое мыло, страх и чужой пот, — сообщил барсук. — Чужой злой. Этот больше пахнет голодом. И чем-то сладким из кармана.

— Там ничего нет! — парень попытался отодвинуться от морды.

— Имя, — я повернул его лицом к себе, не выпуская локтя. — Полностью и так, чтобы слышал ректор.

— Денис Леонтьев, первый курс. Пустите, пожалуйста. Я правда не крал.

— Денис, медленно достань всё из внутренних карманов. Сам. Никому не передавай, клади на пол перед собой.

Он полез за пазуху дрожащей рукой. Сначала достал билет на утренний трамвай, затем дешёвую карамель в прозрачной обёртке — Фыр оскорблённо отвернулся, — и наконец смятый тетрадный листок. На сгибе темнело пятно красного сургуча; такая же крошка зацепилась за нитку на правой манжете.

— Читай, — сказал я.

Денис развернул бумагу. Лист шуршал громче, чем шептались ближайшие ряды.

— «Отнеси футляр за дальнюю ширму, оставь на столике, никто не заметит. Долг по практике закрыт». Утром записка лежала в шкафчике вместе с деньгами. Я отнёс футляр, услышал за ширмой шум, испугался и забрал обратно. Я хотел вернуть, честное слово.

— Ярослав, боковой выход!

Высокий студент у крайнего ряда среагировал прежде, чем остальные поняли приказ. Перешагнул через скамью, оказался у створки и вцепился в латунную ручку. Кто-то с другой стороны нажал. Ярослав подался плечом, удержал дверь и посмотрел на меня через зал.

— Закрыто, Лев. Но там был человек.

— Не геройствуй. Стой сбоку от полотна и запоминай каждого, кто подойдёт.

Я передал локоть Дениса конвойному и повысил голос, обращаясь уже ко всему амфи-театру:

— Он назвал дальнюю ширму и столик до того, как мы увидели, что там спрятано. Значит, его привели сюда по готовому маршруту. Кожа чистая, футляр получен закрытым, на плече след удержания. Денис — свидетель, а не вор. Магистр Долгих, добавьте это к вашей ведомости. Компетенция действительно проверяется не только внутри круга.

Магистр оторвался от слова «отклонение». Перо повисло над бумагой; тяжёлая капля чернил вытянулась на кончике, но так и не упала.

За ширмой тонко вскрикнула женщина и сразу зажала себе рот. Зал ответил единым выдохом. Скамьи закрипели, кто-то встал, кто-то ударил коленом по спинке впереди. Один студент машинально полез за телефоном и вытащил пустую руку: перед закрытым испытанием все аппараты сдали в номерные ячейки у входа. Камеры под потолком тоже молчали; возле рубильника горела красная табличка «ЗАПИСЬ ПРИОСТАНОВЛЕНА». Тот, кто спрятал тело, выбрал единственный час, когда сотня свидетелей не могла ничего снять.

Фыр прижал уши и оскалился на толпу.

— Все сидят, — рявкнул я раньше магистра. — Кто поднимется, затопчет следы.

— Никому не двигаться! — голос Долгих накрыл мой приказ и заставил дальние ряды замереть.

Я наклонился к конвойному, который всё ещё держал Дениса:

— Руки ему не вытирать, манжету не трогать. Держите отдельно от футляра.

И шагнул за ширму первым.

Аркадий Гурьев-Долгин, пятикурсник факультета менталистики, полусидел в узком простенке между батареей и сложенной секцией. Ноги вытянуты, затылок упирается в стену, веки приоткрыты; по роговице уже расплзлась сухая муть. Пальцы правой руки обожжены до тёмной корки, будто он пытался удержать сорванный призыв. На белой манжете лежал серый налёт с пола, а на коленях налёта не было. Аркадия тащили за плечи, потом усадили здесь уже мёртвым.

Женщина, которая нашла тело, стояла у стены, прижимая кулак ко рту. В другой руке она держала поднос с экзаменационными жетонами; два жетона упали и продолжали покачиваться на ребре возле её туфли.

— Отойдите по собственным следам, — попросил я. — Медленно. Не наступайте на серую полосу.

— Он... он жив?

Я видел ответ на её лице и не стал добивать ложной надеждой. Фыр обошёл тело по дуге, втягивая запах у пола, затем остановился у правого рукава и чихнул.

— Умер не здесь, — сказал он мне в голову. — Кровь старая. От ткани идёт чужой холод, в ногах уже теряется.

— Насколько старая?

Барсук повернул ко мне полосатую морду.

— Я умею копать землю и чувствовать кровь. Если тебе нужны часы, призови часы.

— Не подсказывай Реестру, он и без того впечатлительный.

Я присел, чтобы рассмотреть две параллельные борозды на сером налёте. Под подошвой влажно скрипнуло. Край полосы расплылся на добрых полшага.

Собственная ошибка ударила горячее чужого замечания. Я поднялся, оставив ногу точно там, где она стояла, и сказал прежде, чем кто-нибудь успел увидеть сам:

— Я наступил в след волочения. Правый край у ширмы, длина смазанного участка — половина моего шага. Сначала сфотографируйте подошву и место, потом я отойду.

— Уже распоряжаетесь следствием, барон? — спросила декан Смольцева из-за моего плеча.

Она появилась бесшумно и остановилась за границей серого налёта, на расстоянии, с которого можно было рассмотреть тело и сохранить чистыми носки туфель. Чёрное платье сидело на ней без складки, волосы оставались уложены так, будто крик за ширмой прервал скучную лекцию, а не выпускной экзамен. Смольцева ни разу не спросила, жив ли Аркадий. Зато взгляд сразу нашёл мой сапог в испорченном следе.

— Сохраняю то, что через час понадобится настоящему следователю, — ответил я. — Если Академия предпочитает, могу отойти сейчас и позволить сотне студентов пройти здесь следом.

— Вы уже прошли. Собственным сапогом, если я верно вижу.

— Верно. Поэтому вы слышали об этом от меня раньше, чем спросили. Ошибка меняет один след. Умолчание портит всё дело.

Смольцева перевела взгляд на мои руки, на меловую пыль у локтя, на Фыра у тела. В её лице ничего не дрогнуло, зато голос стал мягче — именно настолько, чтобы ближайшие люди прислушались.

— Дерзко для человека с непогашенным долгом перед покойным.

Глава 2

Обвинение ударило точно: молодая память отозвалась кислым стыдом. Аркадий давал Льву деньги на дополнительные занятия по призыву; весь курс видел, как последний Вязьмин собирал рубли на родового ворона. Смольцева не искала эту связь после крика. Она принесла обвинение с собой готовым.

— Долг погашен две недели назад вместе с процентами. Расписка лежит в моей комнате. Магистр Тропинин видел расчёт и подтвердит, почему испытание назначили на сегодня: слабый Реестр иногда держит вызов дольше обычного. Задержка экзамена объясняется магией рода, а не удобным временем для убийства кредитора.

— Это подтвердит следствие, если расписка существует.

— Пусть подтверждает быстро. До его приезда я буду полезен, а удобным подозреваемым успею побыть после.

Седой магистр Тропинин уже пробирался к ширме между застывшими студентами. Увидев лицо Аркадия, он замедлил шаг, будто ещё мог отложить последнюю секунду незнания. Потом опустился на колено, посветил в зрачок карманным фонариком и выпрямился с трудом, дважды задев оправу прежде, чем поправил очки.

— Аркадий, — произнёс он одними губами. — Пятый курс. Менталистика. Я видел расчёт Вязьмина. Гурьев получил всё до последнего рубля.

Смольцева приняла подтверждение коротким наклоном головы, будто услышала не неудобный факт, а ожидаемую формальность.

— Лидия Павловна, — я обратился к ассистентке, которая всё ещё прижимала к груди коробку с бланками. — Перчатки, бумажные пакеты и телефон с камерой. Футляр, записку и билет Дениса упакуйте отдельно. Не в пластик: конденсат съест то, что осталось на бумаге. След от моего сапога снимите до того, как я сдвинусь.

Лидия посмотрела на декана. Смольцева выдержала паузу достаточно долгую, чтобы все заметили, кто здесь решает, и кивнула.

Ассистентка поставила коробку, достала из нижнего ящика пакеты и натянула перчатки. Руки у неё дрожали, бумажный клапан дважды выскользнул из ладоней. Тропинин молча взял у неё телефон и присел к следу. Он не хвалил меня и не спорил; просто снял сапог рядом с серой полосой с трёх углов, и это подтверждение весило больше слов.

За нашими спинами Денис повторял конвойному одно и то же:

— Я лица не видел. Только край сапога из-за складки. Подумал, кто-то из комиссии сидит. Я поэтому и не полез туда.

— Удобное уточнение, — заметила Смольцева, не оборачиваясь к нему.

— Проверяемое, — сказал я. — Зарядное гнездо Ключа пишет резервную копию каждые пятнадцать минут. Поднимите время, когда футляр вынули из зарядки, и сравните с входом Дениса в зал.

Лидия Павловна подняла голову от пакета.

— Основной журнал могли стереть.

Она осеклась под взглядом декана, но сказанное уже услышали и я, и ректор, и ближайшие студенты.

— Основной могли, резервную копию — нет, — закончил я за неё. — Спасибо, Лидия Павловна. Теперь у следствия есть первая твёрдая точка времени.

Ассистентка порозовела, затем расправила бумажный пакет, положила рядом телефон и сама включила диктофон. Назвала дату, время, зал, имена присутствующих и каждое из трёх изымаемых доказательств. На третьем пункте голос перестал дрожать.

Ректор Игнашевич выбрался из-за опрокинутого кресла. Его высокий воротник съехал набок, но поправлять одежду при мёртвом студенте он не решился и от этого выглядел человеком, которого собственная должность застала врасплох.

— Экзамен переносится, — объявил он, сначала комиссии, потом уже залу. — Городская следственная группа и медики вызваны. Выпускников выводить по рядам, каждого фиксировать поимённо. Барон Вязьмин...

— Прежде чем вы назовёте мой статус, разрешите закончить с его. — Я указал на Дениса. — Он получил закрытый футляр: ладони чистые, на плече чужой хват. Аркадий умер в другом месте, а человек за ширмой направил первокурсника прямо к телу. Кто сейчас назовёт Дениса убийцей, тот поможет настоящему убийце закрыть подставу.

Слова дошли до дальнего ряда не сразу. Шёпот прокатился сверху вниз, несколько человек привстали, чтобы увидеть Дениса. Конвойный посмотрел на его тонкую шею, на слишком широкий форменный воротник и переставил ладонь с заломанного локтя на плечо. Держать не перестал, но причинять боль больше не пытался.

— Какая предусмотрительность, барон, — Смольцева подошла к краю ширмы. — Вы будто заранее готовились защищать простолюдина от Академии.

— Подставы одинаково устроены при любом титуле. Сперва выбирают того, кому никто не поверит, потом торопят остальных произнести приговор вслух. В прошлый раз выбрали инженера. Сегодня — голодного первокурсника.

Она задержала взгляд на моём лице, словно услышала в последней фразе больше, чем мог знать Лев Вязьмин.

— Вы торгуетесь над телом мёртвого студента?

— Над телом не торгуются. — Я посмотрел на обожжённые пальцы Аркадия. — Работу делают так, чтобы следующего тела не появилось. Счёт выставляют живым, если они сами приходят за помощью.

В первом ряду кто-то негромко сказал: «Правильно». Смольцева услышала. Лицо осталось спокойным, но рука на краю ширмы сжалась сильнее и смяла ткань, которой она до этого не касалась.

У боковой двери поднялся шум. Ярослав Оболенский передал ручку конвойному и направился ко мне с решительностью человека, привыкшего, что перед его фамилией двери открываются сами.

— Лев, что здесь происходит? Я поговорю с ректором.

— Происходит убийство. Останься у двери и смотри, кто пытается выйти.

Ярослав стянул одну перчатку и протянул руку, собираясь взять меня за плечо.

— Я княжеского рода. Меня никто не посмеет обвинить в давлении. Пойдём, пока они не сделали из тебя удобного покойнику должника.

— Именно поэтому ты останешься там. — Я понизил голос, но в замершем зале всё равно слышали каждое слово. — Завтра напишут, что дом Оболенских давил на комиссию ради нищего барона. Убийство превратится в войну родов, а следы утонут в чужой гордости. Мне нужен свидетель у выхода, Ярослав, а не князь над ректором.

— Межродовой конфликт, — сквозь зубы поправил он.

Рука всё ещё была протянута. Он мог увести меня одним словом, мог публично встать рядом — и сделать хуже именно потому, что хотел помочь. Ярослав понял это не сразу. Потом снова натянул перчатку, расправляя каждый палец до идеальной складки.

— Хорошо. Но если кто-нибудь тронет тебя раньше городских, я забуду твой совет.

— Тогда стой ближе и запоминай лица.

Он вернулся к боковой двери. Половина курса увидела, как княжич оставил приятеля у тела. Зато у меня появился свидетель, которому не придётся оправдываться перед Советом Родов за давление на Академию.

Ректор дождался, пока Ярослав займёт место, и только тогда продолжил:

— Именем Академии барон Лев Вязьмин задерживается до выяснения обстоятельств. Денис Леонтьев остаётся отдельно в статусе свидетеля.

Одиннадцать дней до банковского взыскания. Один незаконченный экзамен до сыскной лицензии. Теперь экзамен перенесли, возле имени Льва Вязьмина вместо допуска появился статус задержанного, а первое дело моей второй жизни началось с трупа человека, которому это тело недавно вернуло долг.

Два конвойных подошли ближе. Тот, что повыше, держал тонкий пластиковый фиксатор и старательно смотрел не на тело, а на мои руки.

— Барон, протяните запястья, пожалуйста.

Фыр встал между нами, выгнул спину и показал конвойному неожиданно серьёзные зубы.

— Кусать? — деловито уточнил он.

— Нет. Он делает свою работу.

— Тогда я могу кусать работу. Она пахнет потом и плохим решением.

— Пирог, Фыр. Вспомни о пироге и отойди.

Барсук нехотя убрался к моему сапогу, но загривок не опустил. Я сам протянул руки ладонями вверх. Конвойный затянул фиксатор осторожнее, чем собирался минуту назад, проверил, проходит ли под лентой палец, и встал между мной и Денисом лицом к рядам.

Смольцева прислушалась к шёпоту в амфитеатре и коротко кивнула.

— Уведите Вязьмина. Свидетеля — отдельно. До прибытия городской группы разговаривать им не позволять.

Пластиковая лента холодила запястья куда слабее стальных наручников из прежней жизни, но ощущение было тем же: кто-то решил, где я проведу следующий час, и оставил мне только способ держать спину.

Ярослав стоял у боковой двери, обе перчатки сидели без единой складки. Лишь большой палец правой руки медленно тёр шов на левой — его единственное публичное признание, что он хочет сейчас нарушить половину академических правил.

Денис поймал мой взгляд через весь зал. Губы беззвучно сложились в «спасибо».

— Благодарить будешь, когда тебя отпустят, — сказал я достаточно громко, чтобы услышал конвой. — Пока запоминай, кто первым спросит, сколько тебе заплатили, хотя записку ещё не читал.

Фыр пошёл рядом с моим сапогом. Он не отставал ни на шаг, будто Академия имела право увести призывателя, но фамильяра в соглашение не включили.

— Обещанный пирог откладывается, — сообщил он с суровой деловитостью зверя, для которого убийство человека и задержка ужина были двумя разными, но одинаково требующими наказания преступлениями.

— Откладывается.

— Зато ты больше не скучный. Это хуже, но терпимо.

Меня повели к главному выходу мимо рядов застывших однокурсников, мелового круга с отпечатками когтей и опрокинутого кресла ректора. У высокой двери нас на миг остановила Лидия Павловна: она торопливо протянула конвойному бумагу, перепутала листы, выронила один и сама подняла его за чистый край. Пока взрослые люди решали, какой бланк нужен для задержанного барона, я успел увидеть, как Тропинин закрывает лицо Аркадия серой тканью, а Смольцева наблюдает не за телом — за теми, кто смотрит на неё.

Створки зала закрылись за нашей спиной. Разговоры внутри не стихли, только сделались глухими. Конвой повёл нас через служебный переход за актовым крылом, между гардеробом и комнатой дежурной охраны. Здесь потолок опустился почти на два человеческих роста, воздух пах хлоркой и мокрой шерстью пальто, зелёная краска на стенах блестела там, где её каждую неделю тёрли одинаковой тряпкой. После просторного амфитеатра тесный воротник вспомнил, что душит, сапоги — что малы, а желудок — что праздничный завтрак состоял из кофе и гордости.

В конце перехода конвойный открыл решётчатую дверь и пропустил нас в коридор задержанных. Две привинченные к стене лавки стояли друг против друга; под потолком уже горела красная точка рабочей камеры. По ту сторону стеклянной перегородки дежурный поспешно убирал недоеденный бутерброд в ящик, будто бароны не должны были знать, что охрана тоже завтракает.

Меня посадили на дальнюю лавку, Дениса — на ближнюю. Между нами встал Александр Козин; имя я прочитал на нагрудной карточке. Ему было около тридцати, обручальное кольцо стёрлось с внутренней стороны, длинное лицо оставалось служебно спокойным. Руки он держал за спиной, потому что после первого трупа на службе кисти ещё заметно дрожали.

Фыр неторопливо обнюхал обе лавки, чихнул на свежую зелёную краску моей, перешёл к денисовской и заглянул под неё. Денис вжался спиной в холодную стену; лавка под ним даже не скрипнула — настолько быстро он подался назад.

— Он кусается? — Денис поджал ноги так резко, что каблуки стукнули о край лавки. Под ним, в густой тени, шевельнулась белая полоса на барсучьей морде.

— Только по предварительной записи. — Я вытянул связанные руки и придержал Фыра носком сапога, пока тот выбирал, с какой стороны удобнее знакомиться с подозреваемым.

«Наглая ложь. Я записываю по запаху», — сообщил он мне в голову и втянул воздух возле денисовой манжеты.

— Но сейчас запись закрыта, — добавил я уже для людей. — У нас впереди труп, допрос и отложенный пирог. Кусаться совершенно некогда.

Козин перевёл взгляд с моих стянутых запястий на барсука, который явно считал себя единственным свободным сотрудником в коридоре. Конвойный приоткрыл рот, однако за дверью загрохотали колёса носилок, и вопрос умер раньше, чем успел оформиться.

В актовом зале шла эвакуация. Лидия называла фамилии по рядам; выпускники отвечали, у кого остались телефоны и кто стоял рядом в момент крика. Голос у неё временами ломался на вдохе, но следующую фамилию она произносила уже ровно. Один парень тре-

бовал немедленно позвонить отцу-графу и обещал оставить Академию без финансирования. Девушка у дверей плакала, прижимая к груди дорожную сумку, потому что через два часа у неё уходил поезд. Ректор по громкой связи в третий раз объяснял кому-то, что выпускной приём отменён, и с каждым повтором звучал всё менее похожим на человека, который ещё утром распоряжался чужими судьбами.

Мимо открытой двери проходили криминалисты в белых комбинезонах. Они не несли ни светящихся кристаллов, ни огненных рун: обычные пластиковые ящики, фотоаппарат, пакеты, ультрафиолетовый фонарь и складной экран для тела. Магию здесь совершали люди, а след от неё потом ловили стеклом, плёнкой и техникой.

Первым пронесли футляр Ключа в прозрачном контейнере. Красный сургуч на сгибе казался почти чёрным под коридорной лампой. Следом прошёл криминалист с бумажным пакетом, в котором лежала записка Дениса. Фыр высунулся из-под лавки, проводил оба запаха носом и вдруг замер.

Носилки показались последними. Аркадия закрыли серым полотном до самого подбородка. Переднее колесо попало в стык между плитками, подпрыгнуло, и под тканью качнулась тяжёлая стопа в форменном сапоге.

Денис попытался вдохнуть, но из горла вышел короткий влажный звук. Он сложился пополам, обеими ладонями закрыл лицо и едва не соскользнул с лавки.

Козин дёрнулся к нему и тут же остановился. По уставу он должен был стеречь свидетеля; что делать с мальчишкой, который впервые увидел человека, уже превращённого в вещественное доказательство, устав ему не подсказал. Я пересел на край своей лавки, насколько позволила лента на запястьях.

— Денис, посмотри на меня. — Я дождался, пока носилки скроются за поворотом. — Не на дверь. На меня.

Он продолжал прятать лицо, только плечи ходили всё чаще.

— Слышишь мой голос? Тогда подними голову. Тебе сейчас нужно удержаться здесь, а не бежать следом за тем сапогом.

Пальцы разошлись. Глаза у Дениса покраснели, на нижних ресницах блестела вода.

— Я стоял рядом, — прошептал он, и окончания слов снова провалились, будто дыхания не хватало донести их до конца. — Я видел сапог. Если бы заглянул раньше... если бы позвал кого-нибудь...

— Аркадий умер задолго до твоего прихода. Ты слышал его голос за ширмой?

Денис мотнул головой и растёр мокрую щёку плечом.

— Шаги? Удар? Просьбу о помощи?

— Только будто что-то упало. Уже потом. Я думал, меня заметили.

— Значит, ты не пропустил момент, когда его ещё можно было спасти. Состояние тела я видел; врач назовёт точное время и либо подтвердит мои слова, либо заставит меня отказаться от них. Но сейчас всё говорит о том, что Аркадия посадили за ширму уже мёртвым. — Я подался ближе, заставляя Дениса смотреть не на пустой поворот, а на меня. — Помочь ему ты не мог. Зато можешь помочь найти человека, который решил расплатиться твоей жизнью за своё убийство.

Денис медленно опустил руки на колени. На правой манжете осталась красная сургучная крошка. Криминалисты успели снять её крупным планом, но сюртук пока не изъяли, и улика сидела на нём, как чужая метка.

— Я всё расскажу. — Он провёл большим пальцем рядом с пятном и вовремя убрал руку. — Только там... денег было пять тысяч. Я две взял на первый взнос. Остальные оставил в конверте. Если я взял часть, это считается, что я согласился?

— Это означает, что ты совершил глупость. За неё и за убийство отвечают по разным статьям и получают разное наказание. Где конверт?

Денис бросил взгляд на Козина, будто конвойный мог немедленно превратить признание в приговор. Тот отвёл ладонь от кобуры и показал пустые пальцы: говори.

— В общежитии. В шкафчике, под нижней полкой. Я боялся носить всё с собой: вдруг отберут или увидят.

— Номер шкафчика?

— Тридцать семь.

— Кто знал, что тебе нечем платить?

Денис втянул губы. Фыр под лавкой ответил ему тихим, долгим вдохом, словно вытягивал правду через подошвы.

— В общежитии многие знали. В учебной части тоже. Декан подписывает отсрочки... Лидия Павловна вызывала меня на прошлой неделе. Сказала, что если до экзаменационной сессии не внесу хотя бы часть, меня переведут на внешнее обучение. — Денис машинально прикрыл левый карман и заговорил быстрее, пока смелости хватало. — Я дорогу из области каждый день не потяну. Мать работает уборщицей в районной поликлинике, у нас сестра маленькая. Мать хотела кольцо бабушки заложить, а я сказал, что уже всё нашёл. Поэтому и взял эти две тысячи. Чтобы она не узнала.

Каждая подробность делала его удобнее для преступника. Долг виден учебной части. Страх понятен любому, кто знает правила Академии. Сумма рассчитана ровно так, чтобы студент схватился за неё, но не спросил, почему незнакомец раздаёт деньги. Шкафчик стоит в общем коридоре, а последняя дверь в Академию захлопывается перед самым экзаменом. Купили не жадность Дениса. Купили его стыд перед матерью и надежду удержаться здесь ещё месяц.

— Лидия Павловна сама видела сумму? — спросил я.

— Она смотрела ведомость при мне. Пальцем водила по строке, потому что я пытался объяснить про стипендию. Там всё записано.

За дверью Лидия как раз велела кому-то разложить листы со схемой рассадки и подписать каждый отдельно. Услышав своё имя сквозь тонкую перегородку, она выдержала крошечную паузу, но следующую команду отдала прежним тоном. Этого было мало даже для подозрения. Ведомость видели оба декана, ассистентка, бухгалтерия и, вероятно, половина учебной части. Подозрение без границ годилось только для сплетни, а сплетня не объясняла, как тело попало за ширму.

— Простите, — Денис посмотрел на мои связанные руки. — Вы из-за меня теперь можете не получить лицензию.

— Я здесь из-за убийцы. Ты пока его плохо выбранный инструмент.

— Но если бы я не взял записку...

— Выбрали бы другого должника или придумали бы другую ширму. Не присваивай чужой замысел, Денис: тебе и своей глупости хватит. С ней хотя бы можно разобраться.

Он моргнул. Обида дёрнула уголок рта; затем плечи опустились, и Денис перестал коситься на дверь. Я отделил его поступок от чужого убийства: за взятые деньги отвечать ему, за смерть Аркадия — тому, кто воспользовался его стыдом.

«Он тебе верит, — заметил Фыр. — И за мать боится сильнее, чем за себя».

«Вижу».

Фыр просунул морду между лавкой и денисовым ботинком. «Ты не нюхал».

«Когда Денис говорил об обвинении, смотрел на дверь. Когда заговорил о деньгах — на руки. Про мать сказал и закрыл левый карман. Там либо её фотография, либо телефон с её сообщениями».

Денис почувствовал барсучий нос возле колена и прижал ладонь к карману ещё крепче. Фыр выбрался наполовину и посмотрел на меня с новым уважением.

«Ты тоже умеешь нюхать. Только глазами».

Глава 3

— Барон, вы опять с ним разговариваете? — Козин переместился так, чтобы видеть нас обоих, хотя барсучий ответ услышать всё равно не мог.

— Сравниваем методы криминалистики. У него нос, у меня дурная привычка замечать лишнее.

— А по делу он что-нибудь сказал?

Фыр вылез из-под лавки, прошёл вокруг сапога Козина и задержал нос возле правого кармана форменной куртки. Конвойный сначала сделал вид, что этого не заметил, потом незаметно подтянул локоть.

«Скажи ему, что там колбаса».

— Он сообщил, что у вас в правом кармане колбаса.

Ладонь Козина мгновенно накрыла карман.

— Бутерброд. С дежурства остался. Это не улика.

— Фыр различает запахи, а не юридические тонкости.

«Я различаю ещё и жадность».

— И считает, что вы злоупотребляете правом не делиться, — перевёл я.

Козин посмотрел на закрытую дверь, за которой его начальство разбиралось с убийством, на Дениса, впервые поднявшего голову, и наконец на Фыра. После короткой внутренней борьбы достал бумажный свёрток. Половину бутерброда оставил себе, со второй снял кружок колбасы и положил на чистый лист возле лавки.

Фыр подошёл не сразу. Сперва обнюхал подношение с двух сторон, потом поднял взгляд на Козина, словно проверял, понял ли человек смысл церемонии, и съел колбасу тремя аккуратными укусами.

— Я это в расход не запишу, — предупредил конвойный, заворачивая остаток завтрака.

— Род Вязьминых гарантирует возмещение после получения лицензии.

— Двенадцать рублей колбаса стоила. Хорошая, с рынка.

— Тогда после двух лицензий. За первую я закрою долг перед сапожником.

Козин фыркнул и всё-таки улыбнулся. Денис прикрыл рот ладонью, но смех вырвался через пальцы. На несколько вдохов коридор перестал быть местом, по которому только что провезли мёртвого человека. Фыр облизал усы, принял это изменение на свой счёт и улёгся поперёк прохода, вынуждая всех обходить его как заслуженного сотрудника.

Дверь распахнулась прежде, чем Козин успел потребовать освободить путь. Лидия вошла боком, неся пластиковый лоток с нашими телефонами в прозрачных пакетах и казённый планшет. Под глазами у неё легли тени, а из безупречного пучка выбилась тонкая прядь, однако вещи на лотке лежали ровно, как на экзаменационном столе.

— Личные устройства изъяты до окончания первичного опроса. — Она остановилась возле меня, стараясь не наступить на хвост Фыра. — Барон Вязьмин, ваш экран загорается каждые две минуты. Возможно, сообщение срочное. Читать уведомления я права не имею.

Пакет был прозрачным. Экран вспыхнул прямо у нас между лицами, словно банк услышал собственное имя.

«Дом Гурина и партнёров: контрольная дата по залогу приближается. Доступно предложение добровольной продажи».

Добровольной банки называли продажу, при которой хозяин выбирал между плохой ценой сегодня и аукционом через одиннадцать дней. Ниже висело уведомление от сапожника: платёж за форменные сапоги просрочен на сутки. Ноги тут же вспомнили жёсткие задники и предложили банку забрать обувь первым взносом.

— Ничего срочного, — сказал я и поднял глаза от экрана.

Лидия не читала уведомления, зато моё лицо прочитала без всякого допуска. Она поставила лоток на лавку так, чтобы банковская строка отвернулась от Дениса.

— Мне жаль насчёт экзамена. Комиссия не успела вынести решение до происшествия.

— Экзамен ещё существует или его тоже увезли под серым полотном?

— Решение приостановлено до окончания первичного расследования. Ваш вызов зарегистрирован. Фамильяр тоже... почти зарегистрирован. — Лидия взяла планшет, большим пальцем погасила одно окно и открыла другое. — Классификатор трижды предложил: «барсук обыкновенный, хозяйственного назначения».

Фыр вскинул морду. «Хозяйственного? Я требую поединка с классификатором. До смерти. Его».

— Он возражает против назначения в хозяйство и требует сатисфакции.

— Я уже исправила на «родовой зверь неустановленного класса». Сатисфакцию придётся отложить вместе с пирогом. — Лидия поставила планшет рядом со мной и вынула стилус. — Инспектор Бирюк просит восстановить ваши перемещения до допроса. Здесь стандартный помощник: он построит схему по голосу. Можно диктовать.

— Как удобно. Козин, приготовьтесь ловить меня возле несущей стены.

— Зачем?

— Сейчас узнаем, куда государственная техника отправит подозреваемого.

Помощник открыл белый экран и приятным женским голосом попросил назвать исходные точки. Я продиктовал призывной круг в центре помоста, боковой проход, из которого вышел Денис, подоконник в служебной зоне, столик за первой створкой и тело между четвёртой и пятой. Добавил комиссию вдоль северной стены, главный выход на западной стороне и служебную дверь на южной. Когда программа попросила расстояния, назвал их по памяти и отдельно предупредил, что ширма состоит из шести секций и стоит изломом.

На экране одна за другой появились цветные точки. Красная стрелка Дениса начала путь в общежитии, прошла по прямой сквозь несущую стену Академии, пересекла тело Аркадия, обожала петлёй вокруг ректора и закончилась на потолочной камере. Внизу помощник уверенно сообщил: «Оптимальный маршрут подтверждён».

Я повернул планшет к Лидии.

— У нас ректор умеет летать или только Денис?

Она наклонилась к экрану. Плечо на миг коснулось моего — кратко и тепло. Юное тело заметило это раньше профессиональной мысли; профессиональная мысль сообщила, что момент выбран отвратительно, и вернула взгляд к линии, проходившей через бетон.

— В регламенте полёты ректора не числятся, — сказала Лидия. — Хотя после сегодняшнего я готова проверить приложение к его трудовому договору.

— А стены в Академии часто открываются?

— Только по смете на ремонт. Обычно через три года после оплаты.

Козин подошёл ближе и посмотрел на маршрут через моё плечо.

— А чего он на камеру полез?

— Программа решила, что «секция ширмы» — раздел документа, а «подоконник» — точка обзора камеры. Схема красивая. Ходить по ней могут только призраки, ректоры и очень мотивированные первокурсники.

— Помощник обучен на поэтажных планах, — сказала Лидия, защищая казённую технику без всякой веры в неё.

— Я заметил. Особенно хорошо он знает этажи, на которых люди проходят сквозь бетон.

Я отключил автоматическую реконструкцию, взял стилус связанными руками и начертил зал сам. Круг призыва лёг в середину помоста. Северную стену обозначил длинной чертой, перед ней поставил шесть створок ширмы углом. Подоконник остался в служебном проходе, столик — сразу за первой створкой, тело — в мёртвой зоне между четвёртой и пятой. Денис шёл по касательной, поэтому мог увидеть сапог, но не лицо Аркадия.

— Смотри, — я подвинул планшет к Денису. — Чтобы протащить тело через главный зал, пришлось бы сделать это до начала экзамена, на глазах у дежурных и выпускников. Другой путь идёт отсюда.

Стилус прошёл от северной стороны ширмы к архивному коридору за стеной. Линия получилась короткой и почти прямой.

— Служебная дверь, — произнёс Козин. — Там же камеры.

— Одна камера смотрит на вход в архив, вторая — на поворот к залу. Между ними остаётся участок за ширмой. Если расписание наблюдения знали заранее, тело могли провести по мёртвой зоне.

Шутка программы всё-таки принесла пользу. Когда её прямая легла рядом с настоящей геометрией, стало видно: преступник использовал два разных маршрута. Дениса направили от подоконника к столику. Аркадий пришёл с северной стороны. Ключ связывал чужие отпечатки с одной линией и заставлял всех смотреть туда, пока настоящее перемещение тела оставалось на другой.

— Лидия Павловна, кто мог пройти из архивного коридора в служебную зону зала?

Она выпрямилась и заправила выбившуюся прядь за ухо. Ответила после короткого вдоха, уже понимая, что называет и себя.

— Ректор, оба декана, начальник охраны, магистр-распорядитель экзамена. Я получила доступ на время церемонии. Утром временные коды выдали ещё трём техникам. Полный список хранится в системе.

— Сохраните его прежде, чем помощник оптимально проведёт всех через стену.

— Я уже сделала защищённую копию. — Лидия забрала у меня стилус, сохранила ручную схему рядом с машинной и только потом позволила себе посмотреть прямо. — Не улыбайтесь так, барон. Я тоже умею работать.

— Зафиксировал. К списку подозреваемых добавлю компетентность.

Её губы дрогнули, однако улыбку она удержала. Вместо ответа повернулась к Денису.

— Леонтьев, вас опросят отдельно. Номер шкафчика я передала инспектору. Конверт изымут при двух свидетелях. До этого никому больше не говорите, где он лежит, даже если спрашивать будет сотрудник Академии.

— Да, Лидия Павловна. — Денис спрятал руки между коленями. — А мать... ей сообщат?

— Я уже позвонила. Сказала, что вы задерживаетесь из-за происшествия и вернётесь поздно. Обвинений и денег не упоминала.

Денис опустил голову, но теперь плечи задрожали от облегчения. В левом кармане коротко завибрировал телефон в пакете. Он не мог его достать, и всё же прижал ладонь поверх ткани, словно мать могла почувствовать это движение на другом конце связи.

Лидия отдала планшет Козину и повернулась ко мне.

— Вас ждут.

— Кто именно решил испортить мне остаток выпускного дня?

— Декан Смольцева и прапорщик Бирюк из Магического Сыскного... — Лидия запнулась, раскрыла папку и посмотрела на свежую печать. — Из Главного управления магического розыска. Кажется.

Из комнаты дежурного донёсся раздражённый мужской голос:

— Сегодня мы МСК! До полуночи, если столичный приказ опять не поменяют!

Лидия прикрыла глаза и выдохнула через нос.

— Видите? Даже сотрудник не уверен.

Козин открыл дверь и жестом пригласил меня в коридор. Денис вдруг поднялся, забыв, что Фыр лежит у его ног, и едва не наступил ему на хвост.

— Барон...

— Сиди. Формально это полезнее, а Фыр за второй испорченный хвост уже возьмёт плату.

Денис послушно сел, но удержал мой взгляд.

— Спасибо, — сказал он и на этот раз заставил себя проговорить окончание. — За то, что не отдали меня.

— Отдадим тому, кто задаёт хорошие вопросы. Плохим не отдаём. — Я поднялся, поправил связью манжеты и кивнул на его левый карман. — Когда разрешат телефон, позвони матери сам. Не заставляй её узнавать правду от чужих людей.

Я вышел в коридор. Фыр потянулся, широко зевнул и двинулся за мной, как будто допрос назначили прежде всего ему.

Козин успел выставить ногу и перегородил зверю путь.

— Животное на допрос нельзя. Приказ декана.

Фыр остановился, медленно поднял голову и показал конвойному столько зубов, сколько помещалось в барсуке хозяйственного назначения.

— Фамильяр привязан к Печати. — Я повернул связанные руки, показывая знак на запястье. — Если закроете дверь, он либо останется здесь и начнёт тревожить вашего свидетеля, либо найдёт способ войти сам. Я бы поставил на второй вариант. У барсука крепкий лоб, а оплачивать дверь всё равно придётся мне.

Козин вспомнил двенадцатирублёвую колбасу, прикинул цену дубовой двери и убрал сапог.

— Под вашу ответственность.

«Я стою дороже двери», — оскорбился Фыр, обгоняя нас.

«После лицензии обсудим оценку имущества. До лицензии ты стоишь половину чужого бутерброда».

Кабинет Смольцевой находился через два поворота. По дороге мы прошли мимо главного входа в зал. Жёлтая лента рассекала высокие двери, за ней криминалист на коленях снимал

серый налёт с пола липкой плёнкой. Плёнка при каждом отрыве издавала сухой треск. Ярослав ждал у номерных ячеек с моим пальто на руке и смотрел не на работу криминалиста, а на каждого, кто выходил из коридора задержанных.

Увидев Козина за моей спиной, он сделал шаг навстречу.

Я покачал головой и первым задал безопасную тему:

— Только пальто.

— На улице август, — отозвался Ярослав, уже подходя.

— Тем подозрительнее, что ты решил его украсть.

Он понял. Перекинул пальто мне на связанные руки и, прикрываясь тёмной тканью, вложил во внутренний карман маленький бумажный талон.

— Это от твоей ячейки, — сказал Ярослав достаточно громко для конвойного. — Чтобы потом не заявили, будто ты унёс чужой телефон.

На обороте талона карандашом стояло: «Был у двери всё время. Ты из круга не выходил до крика».

Алиби закрывало часть времени. Полным не было, зато появилось раньше просьбы и принадлежало человеку, которому сейчас выгоднее всего от меня отойти.

— Благодарю, княжич. Теперь поезжай домой и дай официальным людям сделать вид, что они всё контролируют.

— Я могу позвонить отцу. — Ярослав пальцами разгладил лацкан моего пальто и понизил голос. — Он поднимет сюда половину министерства за час.

— Именно поэтому ты поедешь домой.

— Лев, тебя ведут на допрос по убийству.

— Если твой отец узнает от тебя до официального уведомления, это станет вмешательством министра родового права в убийство внутри Академии. Если его поставят в известность из протокола, ты останешься просто свидетелем. Мне нужен второй вариант.

Ярослав стиснул челюсть. На скуле дрогнула мышца, а пальцы всё ещё держали край моего пальто, словно отпускать друга вместе с тканью было необязательно.

— Ты иногда путаешь независимость с идиотизмом.

— Запиши показание именно так. Установим по итогам дела.

Он отпустил лацкан и отступил. Для окружающих наша близость только что превратилась в ссору, а род Оболенских остался за пределами разбирательства. Цена дружбы выросла ещё на одну просьбу, которую Ярослав выполнит и за которую потом потребует честного ответа.

У двери кабинета Фыр оглянулся на него.

«Он злится, потому что любит тебя».

«Он злится, потому что я прав».

«Люди всегда называют любовью то, в чём не хотят признаться, а правотой — то, за что готовы получить по морде?»

«Ты существуешь меньше часа и уже слишком хорошо понял людей».

Ответить вслух я не успел. Дверь распахнулась, и Смольцева вышла на порог, не приглашая меня войти. Она встала так, что между её плечом и косяком оставалась щель ровно для одного очень вежливого человека.

— Барон Вязьмин, вы заставили комиссию ждать один раз. Второго не будет. — Смольцева отступила на полшага и оставила мне выбор: задеть декана плечом или втянуть живот.

Я выбрал плечо. Она удержала позицию, только ткань рукава шевельнулась в месте прикосновения. Фыр проскользнул у неё под юбкой, заставил край ткани взлететь и первым занял кабинет.

«Пахнет деревом, клеем и женщиной, которая любит закрывать двери».

— Это взаимно, — ответил я ему и придержал дверь ладонью.

Смольцева нажала сильнее. Дерево медленно вытеснило мои пальцы, за спиной сухо щёлкнул замок.

Кабинет начинался тёмным деревом и им же заканчивался. Папки за стеклом стояли по росту, ручка лежала точно по краю стола, оба монитора смотрели в комнату под одинаковым углом. Пахло полировкой, нагретой проводкой и свежим клеем. Единственный беспорядок занимал низкий столик у окна: Кузьма Олегович Бирюк нарисовал экзаменационный зал от руки и прижал углы схемы тем, что нашёл. Медная монета обозначала Аркадия, коробок — Дениса, синяя банка — круг призыва. В роли северной стены лежала линейка с отломанным концом.

— Магический Сыскной Комитет. Кузьма Олегович Бирюк. — Прапорщик передвинул коробок ко мне карандашом, руки для приветствия не предложил. Форма на нём выглядела так, будто он спал в машине, лицо — будто машина спать не дала. — Если к утру ведомство опять переименуют, имя всё равно останется. Поставьте Леонтьева туда, где вы его схватили.

— Матвей... — Старое имя само ударилось о зубы, и я остановил его слишком поздно. Снял родовое кольцо с пальца и положил в меловой круг на схеме. — Лев Тихонович Вязьмин.

Бирюк не переспросил и не поднял бровей. Перевернул карандаш, написал рядом с кольцом «оговорка имени» и только затем посмотрел на меня.

— Чтобы дальше никто не ловил меня на каждом отклике, объясню один раз при всех, кто сейчас слышит. В документах я Лев Тихонович Вязьмин и подпись ставлю этим именем. Матвей — имя, на которое я отзываюсь и под которым буду вести частную практику, если Академия всё-таки выдаст лицензию. Обращаться можно так и так; фамилия в обоих случаях Вязьмин.

Смольцева задержала взгляд на кольце, словно выбирала, стоит ли превращать выбранное имя в ещё один повод для недоверия. Бирюк не дал ей времени.

— Для протокола достаточно: официальное имя Лев Тихонович Вязьмин, рабочее обращение Матвей. — Он дописал вторую строку рядом с первой и развернул схему ко мне. — Теперь ни вы, ни окружающие не станете тратить допрос на исправление каждого обращения. Маршрут.

— Сядьте, — Смольцева носком туфли выдвинула стул ровно на ширину шага.

— Потом. — Бирюк перехватил спинку прежде, чем я успел коснуться её коленом, и вернул стул на место. — Сначала маршрут. Где стояли после вызова?

Я оставил кольцо в круге. Смольцева подошла к схеме с другой стороны и положила рядом планшет, развернув экран ко мне.

— Формула заняла шесть минут сорок семь секунд. Почти втрое дольше обычного. — Ноготь остановился на таймере. — Всё это время за ширмой уже лежал ваш кредитор.

— Поэтому проверим каждую из шести минут, а не превратим число в обвинение. — Бирюк перехватил планшет, увеличил график веса и повернул обратно ко мне. Пятьдесят восемь, шестьдесят, пятьдесят девять килограммов: Лев переминался, но не сходил с пластин. — Что видите, Вязьмин?

— Канал не рвался. Ноги всё время стояли в круге. — Я провёл кольцом вдоль неровной линии, не касаясь экрана. — Вызов держал я.

— Канал мог сохраниться без вас, — возразила Смольцева и потянула планшет к себе. Бирюк удержал край двумя пальцами.

— А ноги барона без барона стояли бы хуже. Пластины видели его вес до появления фамильяра. После появления зверя данные заканчиваются.

— Потому что после появления зверя меня видел весь выпуск. — Я переместил кольцо из круга к коробку. — Денис побежал к боковой двери. Ярослав Оболенский её закрыл. Я пересёк зал вдоль стены и перехватил Дениса у третьей колонны.

Бирюк бросил рядом бумажный талон. Карандашная строка Ярослава легла между кольцом и коробком: «Был у двери всё время. Ты из круга не выходил до крика».

— Князь передал вам это в коридоре? — Смольцева прижала талон ногтем, прежде чем Бирюк успел его забрать.

— Княжич. Его отец — князь. — Я высвободил бумагу из-под её ногтя карандашом, не касаясь пальцев. — Ярослав записал увиденное раньше, чем его начнут уговаривать забыть неудобную часть.

Глава 4

— Или вы заранее договорились о тексте.

— Для сговора он выбрал ужасное алиби. Полное было бы полезнее, а слово «до крика» оставляет мне достаточно времени, чтобы убить Аркадия до экзамена.

Бирюк посмотрел на меня поверх дешёвой оправы, вложил талон в прозрачный пакет и запечатал. Пластик сухо хрустнул под пальцами.

— Оболенского опросят отдельно.

— Уже вызвали. — Смольцева взяла стул, который предлагала мне, и села сама. — Его отец прислал поверенного.

— Поверенный подождёт в коридоре и потренируется не вмешиваться. — Бирюк перевернул медную монету тёмной стороной вверх. — Откуда принесли тело?

Я протянул руку к северному проходу и остановил кольцо у края ширмы.

— Аркадия волокни. Серый налёт остался на спине и правой манжете, колени чистые. Пол покажет направление, когда криминалисты снимут след целиком.

— В зале вы сразу смотрели на север, — Смольцева вытянула папку из стопки, но раскрывать не стала. — Будто знали, откуда его принесли.

— Полоса налёта уходила туда. Я смазал её сапогом на полшага и сказал об этом до осмотра. Север — направление полосы, а не место убийства. До лаборатории это наблюдение, не вывод.

Бирюк провёл карандашом черту от монеты к линейке и тут же перечеркнул.

— Наблюдение есть. Вывода пока нет.

— Именно. — Я вернул кольцо к краю круга. — Поэтому я всё ещё здесь, а не бегу арестовывать северную стену.

Смольцева раскрыла папку. На верхнем листе стояли моё новое имя и сумма долга. Копию приготовили до того, как меня привели в кабинет.

— Перейдём к мотиву. Аркадий одолжил вам три тысячи рублей. Срок возврата вы нарушили.

— На две недели. Долг погашен с процентами. Расписка лежит в общежитии: верхний ящик, синяя папка между договором на форму и выпиской по залогу. — Я не потянулся к листу. — Можете проверить сейчас, пока бумага не научилась ходить через стены.

Бирюк взял служебный телефон со стола Смольцевой. Она накрыла аппарат ладонью прежде, чем он успел поднять его.

— Это мой телефон.

— И он нам не понадобится. — Я поднял связанные лентой запястья, оставив их между Бирюком и аппаратом. — Ведите меня в общежитие.

Бирюк отвёл руку от телефона. Не сразу — сперва посмотрел на пластиковый фиксатор, потом на меня, словно решал, не ударил ли вызов фамильяра ещё и по здравому смыслу.

— Вы задержанный, Вязьмин. Задержанных не водят к ящикам, где лежат оправдывающие их бумаги.

— Тогда оставьте меня за порогом. Дверь откроет Козин, двое понятых будут смотреть на комнату, вы — писать всё от начала до конца. Расписку принесу не я.

У ножки стола Фыр перестал обнюхивать старый воск и поднял морду.

«Пирог?»

«Сначала работа».

«Ты каждый раз переставляешь правильный порядок».

Смольцева не убрала ладонь с телефона. Другой рукой она передвинула банковское уведомление поверх мелового круга и закрыла им половину моего кольца.

— Это единственная бумага, которая подтверждает вашу версию о долге. Фамильяр порвёт лист, уронит его, потянет из соседней папки — и вы собственными руками испортите своё алиби.

— Рук я как раз не предлагаю. — Пластиковая лента тихо скрипнула, когда я повернул запястья ладонями вверх. — Фыр получит один адрес, один ящик и один предмет. Я не переступлю порог. Козин примет лист сразу в пакет. Если барсук полезет не туда, вы остановите осмотр и запишете мою ошибку. Это чище, чем послать в мою комнату человека, который вернётся с готовым результатом.

Фыр шумно втянул воздух между нами.

«Она не хочет идти».

«Почему?»

«Туфли. Лестницы. И бумага, которая может оказаться настоящей. Не знаю, что ей неприятнее».

Смольцева посмотрела на него так, будто услышала не фыркание, а последнюю часть ответа.

— Суд не примет мнение зверя о том, где лежала расписка.

— Поэтому место подтвердят камера и люди. Фыр только достанет то, чего я не имею права касаться.

Бирюк снял со стола телефон Смольцевой, но не стал набирать номер. Включил запись, провёл объективом по схеме, по банковскому уведомлению и задержал на моих руках.

— С этого момента камера не выключается. Козин идёт первым. Вязьмин остаётся за порогом, команду фамильяру даёт при всех. Два свидетеля — дежурные общежития, если они не состоят с вами в родстве, долге или кровной вражде. Всё, что вынесет зверь, попадает в пакет, минуя ваши руки. Один лишний предмет — осмотр прекращается.

— Принимаю.

— Вы ещё не знаете, во что ввязались, — сказала Смольцева.

Бирюк развернул камеру к ней.

— Теперь знает. Вы тоже. Можно идти.

Козин ждал за дверью, прислонившись плечом к стене. При виде телефона в руке Бирюка он выпрямился, убрал планшет под мышку и молча встал впереди. Не спросил, куда: услышал слово «общежитие», открыл нам лестничную дверь и повёл вниз.

В административном крыле пахло полировкой и нагретой проводкой. За первым поворотом запах сменился мокрым камнем: уборщик провёл по ступеням широкой щёткой и оставил на каждом пролёте тёмную дугу. Козин обходил воду по сухому краю. Мне с связанными руками приходилось держаться ближе к перилам; Фыр шёл прямо по мокрым следам и отряхивал лапы на каждом нижнем повороте.

— Если он испачкает форму, — предупредил Козин через плечо, — пакет понесёте зубами сами.

«Он нервничает».

— Фыр считает, что ваша формулировка недостаточно уважительна к специалисту.

— Специалист минуту назад ел клей с закладки.

«Проверял».

— Проверял качество описи.

Бирюк за моей спиной тихо кашлянул. Смольцева не рассмеялась, зато шагнула через влажную ступень шире, чем требовалось, и каблук всё равно попал в воду.

Мы вышли во двор. Дневной свет ударил после тёмной лестницы, ветер принёс от столовой горелый кофе и сладкий пар выпечки. У фонтана ещё стояли выпускники, которых не успели отпустить после опросов. Разговоры не оборвались сразу — сперва люди заметили Козина, потом Смольцеву, и только затем мои связанные руки. Телефоны поднялись почти одновременно.

Фыр прижался к сапогу и показал зубы ближайшему объективу.

«Этот особенно плохо пахнет».

«Телефон?»

«Человек. Телефон просто уродливый».

Я сдвинулся так, чтобы закрыть барсука ногой. Если он укусит любителя выпускных снимков в первый час службы, семейную легенду мы построим быстро, но не ту.

Козин остановился у дорожки и обернулся к студентам.

— Ещё один снимок — и будете свидетелями до утра.

Телефоны опустились. Он дождался последнего и только после этого повёл нас дальше. Впервые за дорогу я увидел в нём не конвойного при удобном подозреваемом, а человека, который умел освобождать проход одним предложением.

Общежитие встретило запахом мастики, капусты и десятка чужих жизней, которые не собирались уступать место убийству. За стойкой сидела женщина в форменном жилете. Она подняла голову от журнала, увидела процессию и медленно вынула закладку из книги.

— Комната Вязьмина, — сказал Бирюк, не прекращая запись. — Нужны вы и дежурная этажа. Только как свидетели. Внутрь никто не входит до команды.

Женщина закрыла журнал, забрала связку запасных ключей и вышла из-за стойки. На третьем этаже к нам присоединилась вторая дежурная — пожилая, с клубком серой шерсти в корзине. Она вставила спицу в незаконченную петлю, поставила корзину под кресло и спросила:

— Опять Хорьков?

— В этот раз Вязьмин, — ответил Козин.

— Хорьков хотя бы предупреждает, где искать.

— Я тоже предупреждаю. Третья дверь от лестницы.

Комната оказалась там, где помнила рука Льва: номер сорок два, царапина над замком, тёмный след от ладони возле косяка. Козин остановился перед дверью, заслонив её спиной, пока Бирюк называл на запись участников. Смольцева встала справа от меня; до порога оста-

валось четыре шага, но она следила за моими сапогами так, будто расстояние уже было попыткой бегства.

— Верхний ящик письменного стола у окна, — сказал я в камеру. — В нём синяя папка между договором на форму и банковской выпиской. В папке один лист, сложенный вдвое: расписка Аркадия Гурьева о полном возврате трёх тысяч рублей с процентами.

— Если листа там нет? — спросила Смольцева.

— Значит, я привёл вас проверить собственную ложь и сэкономил следствию время.

— А если лежит?

— Тогда вы перестанете называть непогашенный долг мотивом.

Смольцева постучала указательным и средним пальцами по металлической накладке двери. Два быстрых удара с одинаковым промежутком. Я заметил жест и оставил его там, где он возник: возле разговора о долге. Одного повторения у него ещё не было.

Бирюк перевёл камеру с её руки на замок.

— Открывайте.

Козин вставил ключ, повернул дважды и отступил, не касаясь ручки второй раз. Дверь ушла внутрь. Из комнаты потянуло пыльной бумагой, сухим деревом и чаем, оставленным утром в кружке. Узкая кровать стояла вдоль стены, на спинке стула висела форма, стол у окна держал стопку учебников и жестяную банку с карандашами. В прежней жизни я входил в квартиры, из которых хозяин уже не возвращался. Здесь хозяин стоял снаружи и впервые смотрел на собственную комнату как на место, где любое движение требовало свидетеля.

Козин провёл носком сапога по границе порога.

— Вы — здесь. Зверь — внутрь. Ящик открывает сам. Вы не наклоняетесь, не тянетесь и не подсказываете после входа ничего, чего не сказали на запись.

— Подходит.

Фыр сел у моего сапога и посмотрел в комнату.

«Там еда».

— Стол у окна. Верхний ящик. Синяя папка между договором и выпиской. Из папки принеси только сложенный лист. Ничего больше не трогай.

«Еда на подоконнике».

— Только лист.

«Она всё равно засохла».

— Тем более.

Фыр протиснулся между Козиным и косяком. Первые два шага сделал к окну, на третьем повернул голову к подоконнику и задержался. Там, за жестяной кружкой, действительно лежала корка хлеба. Я промолчал. Команду уже дал; теперь нужно было узнать не только, способен ли фамилляр найти бумагу, но и умею ли я удержать его в пределах задачи.

Барсук шумно втянул воздух, отвернулся от хлеба с мученическим выражением и подошёл к столу.

«Запомни цену моей верности».

«Корка?»

«Свежий пирог».

Он поднялся на задние лапы, упёрся передними в фасад верхнего ящика и потянул его когтями. Ящик застрял на первой четверти. Фыр дёрнул сильнее; дерево сухо треснуло.

Смольцева сразу подняла ладонь.

— Прекратить.

— Не трогать папку, — одновременно сказал Бирюк.

Фыр замер, оставив коготь в щели. Синего внутри видно не было.

Упрямый ящик едва не испортил проверку раньше, чем мы увидели расписку. Я сам привёл всех к комнате и сам почти позволил фамиляру уничтожить чистоту находки.

«Он перекошен, — сообщил Фыр. — Кто-то закрыл его коленом».

Лев помнил. Утром я опаздывал на экзамен, сунул договор поверх папки и толкнул ящик бедром. Правая направляющая всегда цепляла нижнюю кромку, если давить посередине.

Подсказывать после команды Козин запретил. Но запрет касался меня, не вопроса инспектора.

Бирюк подошёл к двери вплотную, не пересекая порог, и повёл камерой вдоль щели.

— Причина остановки?

— Ящик заклинило, — ответил я. — У него перекошена правая направляющая. Чтобы открыть без повреждения, нужно тянуть левый край.

Смольцева повернулась к нему.

— Это новая инструкция.

— Это описание известного дефекта мебели. — Бирюк посмотрел на Козина. — Разрешаю уточнить способ. Предмет поиска не меняется.

Я присел бы, чтобы оказаться с Фыром на одном уровне, но лента на руках и четыре свидетеля напомнили, кому сейчас принадлежало пространство. Остался стоять.

— Левый край фасада. Медленно. Правой лапой не дави.

Фыр переставил когти, потянул сбоку. Ящик вышел с протяжным деревянным стоном. Сверху лежал договор на форму, под ним синел угол папки, дальше белела банковская выписка — точно в названном порядке.

Фыр нагнулся к бумагам и замер.

«Папку держал ты. Лист — ты, старый мужчина, Аркадий и ещё кто-то».

Слова могли открыть новую версию или разрушить старую, но на записи они остались бы только фырканием.

«Не говори ничего про запах. Достань лист».

«Ты не хочешь знать?»

«Хочу. Поэтому сначала сохраним то, что можно доказать».

Он подцепил синюю папку зубами за угол и потянул. Договор соскользнул влево, выписка осталась на месте. Папка раскрылась внутри ящика. Между картонными створками лежал сложенный вдвое лист с тёмной печатью у нижнего края.

Фыр ухватил бумагу за свободный угол. На секунду я увидел, как клык прижал складку, и представил разрыв, который Смольцева будет показывать комиссии как след моей попытки подделать алиби. Барсук ослабил хватку сам, перехватил край губами и попятился. Лист шёл над полом ровно, не касаясь ни ножки стола, ни порога.

Козин уже раскрыл прозрачный пакет. Фыр остановился с внутренней стороны двери.

— Сюда, — Козин опустил пакет до уровня его морды. — Не в руки. Прямо внутрь.

Фыр разжал пасть. Расписка скользнула между пластиковыми стенками. Козин закрыл застёжку, поднял пакет к камере и только после этого отступил от двери.

— Изъято фамильяром из верхнего ящика стола, из синей папки между договором на форму и банковской выпиской, — перечислил он. — До упаковки люди предмета не касались.

Молодая дежурная наклонилась к пакету, но старшая поймала её за локоть раньше, чем любопытство сократило расстояние.

Бирюк увеличил изображение. Сквозь плёнку читались сумма, дата, подпись Аркадия и строка о полном расчёте. Он попросил обеих женщин вслух подтвердить место изъятия, дождался двух разных голосов и повернул камеру к Смольцевой.

— Три тысячи рублей с процентами возвращены полностью за две недели до смерти Гурьева. Подпись и печать уйдут на проверку. До результата содержание совпадает с показаниями Вязьмина и магистра Тропинина.

Смольцева смотрела не на меня — на Фыра. Барсук сел внутри комнаты, не переступая порога, и облизнул губы с таким достоинством, будто расписку сперва следовало считать его собственностью.

— Местонахождение листа подтвердили люди и запись, — сказала она. — Барсучий запах к доказательствам не относится.

— И не должен. Фыр принёс предмет. Выводы будут делать те, кто умеет расписываться в протоколе.

«Я умею. Дай чернила».

— Его кандидатуру пока отклонили.

Бирюк опустил телефон.

— Долг подтверждён как погашенный. Это убирает формулировку «непогашенный долг», но не отменяет знакомство с погибшим и остальные финансовые обстоятельства Вязьмина.

— Именно. — Я посмотрел на банковское уведомление, которое осталось в кабинете поверх моего кольца. — Расписка не доказывает, что я не мог убить Аркадия. Она доказывает, что долг не объясняет, зачем мне было его убивать. Одним удобным мотивом меньше.

Смольцева протянула руку к пакету. Козин не отдал — сначала посмотрел на Бирюка и получил короткий кивок. Только тогда прозрачный прямоугольник перешёл к декану.

— Одним меньше, — согласилась она. — Поэтому проверим следующий.

Козин запер комнату, не позволив Фыру задержаться у подоконника. Печать на дверь не ставили: осматривали не место преступления, а названный ящик, и превращать всё общежитие в архив Бирюк не собирался. Он продолжал снимать, пока дежурные не разошлись по постам и мы не начали спуск.

На втором пролёте Фыр боднул меня в сапог.

«Пирог».

«После допроса».

«Договор был до работы».

«Договор был после пирога утром».

«Это был аванс. Ты плохо понимаешь хозяйство».

Во дворе выпускники уже не поднимали телефоны. Козин шёл впереди, освобождая нам дорогу одним присутствием. Смольцева держала пакет за самый край и ни разу не посмотрела на расписку; она составляла следующий вопрос по дороге, и с каждым шагом каблучки звучали ровнее.

В кабинете Бирюк вернул телефон на стол. Смольцева положила оригинал запечатанной расписки поверх банковского уведомления, совместив края двух документов так, будто один закрытый мотив освобождал место для другого. Козин снял обе стороны пакета, приложил фотографии к протоколу изъятия и отдал мне заверенную копию: теперь бумага оставалась у следствия, а я мог ссылаться только на зафиксированное содержание.

— Аркадий предлагал купить спорный лесной надел. Вы отказались.

— Лес нельзя отделить от земли рода. — Я поставил кольцо между нами; Смольцева первой убрала руку от края схемы. — Он спросил об этом в столовой, я ответил. Хорьков слышал начало разговора.

— Конец никто не слышал.

— В конце Аркадий доел кашу, а я оставил свою. Для убийства мало, зато повару будет приятно.

— Для мотива достаточно денег. — Смольцева вынула из папки банковское уведомление и положила поверх мелового круга, закрыв моё кольцо наполовину. — Одиннадцать дней до взыскания усадьбы. Сорванный экзамен. Мёртвый кредитор, который хотел вашу землю. За меньшие суммы люди убивали и без родовой гордости.

Чужая память отзывалась ниже рёбер — тем местом, где Лев привык чувствовать страх за дом. Конверт во внутреннем кармане пальто будто потяжелел, а перед глазами на миг возникли облупленная колонна усадьбы и листок с датой торгов. Я прижал край бумаги кольцом, возвращая и предмет, и себя в кабинет.

Фыр тем временем добрался до папок Бирюка, встал на задние лапы и лизнул жёлтую закладку. Прапорщик выдернул её из-под носа.

— Вещественные доказательства не едят.

«Клей пахнет бульоном, — пожаловался Фыр. — Плохим. Но надежда была».

— Он проверил качество описи и нашёл недостатки.

— Пусть проверяет с пола. — Бирюк отодвинул папку подальше, достал запечатанную записку Дениса и синюю банку. — Теперь ваше первое расследование, Вязьмин. Почему Леонтьев не открывал футляр?

Я показал ладонь. Бирюк натянул перчатку, коснулся порошка внутри банки и медленно растёр большой палец об указательный. Серебристые точки забились в складки кожи, подчеркнув каждую борозду.

— Индикаторная пыль оседает после открытия зарядного гнезда, — сказал я. — Ткань снимет её с подушечек, но из складок полностью не вычистит. На пальцах Дениса пыли не было.

— Перчатки? — Бирюк повернул руку к настольной лампе. Пыль блеснула холодно и ярко.

— У него их не было. Сюртук перешит из чужого, карманы мелкие. Козин проверил одежду при мне, когда искал оружие и второй футляр.

Смольцева подцепила пакет с запиской за самый край.

— Другой человек мог открыть гнездо, а Денис украсть уже закрытый футляр.

Глава 5

— Мог. Чистые руки снимают с него одно действие, а не всё обвинение. Остальное про-
верят записка, деньги, сургуч и маршрут. — Я подвинул коробок Дениса ближе к синей банке,
но не соединил их. — Пока между предметами есть расстояние, которого мы не понимаем.

Серебристая пыль ещё держалась в складках пальцев Бирюка, когда его телефон завиб-
рировал на столе. Прапорщик прочёл короткую строку, повернул экран к себе и большим паль-
цем остановил вызов, который уже собирался сделать.

— Техник вскрыл резервный корпус, — произнёс он, не выпуская аппарат. — Обычная
выгрузка не подняла последовательность. Просит разрешение разобрать блок в лаборатории.

— Разбирать потом, — я показал на связанную лентой руку, не пытаясь забрать телефон.
— Сначала ведите меня к нему.

Смольцева передвинула коробок Дениса на ширину ногтя, отделив его от синей банки
ещё сильнее.

— Для чего? Чтобы лично посмотреть, как специалист второй раз не получает резуль-
тата? Повреждённый узел останется повреждённым независимо от того, стоите вы рядом или
продолжаете отвечать здесь.

— Здесь я услышу только вывод человека, который уже решил, какие детали важны.
Там увижу сам предмет, способ повреждения и предел обычной проверки. — Я поднялся;
лента натянулась между запястьями и не дала опереться о край стола. — Если блок придётся
уничтожить разбором, сначала хочу знать, какую возможность мы уничтожаем вместе с ним.

Бирюк задержал взгляд на моих руках, затем на коробке Дениса. Спор о чистых пальцах
первокурсника упёрся в вещь, лежавшую за двумя коридорами, и закончить его из кабинета
можно было только чужим голосом.

— Под конвоем, — решил он. — К устройству не прикасаетесь. В работу техника не
лезете, пока он сам не скажет, что дошёл до тупика.

— Если дойдёт, тупик хочу видеть целиком.

— Вы слишком радуетесь тупикам для начинающего сыщика.

— Прямой коридор обычно строит тот, кто хочет привести нас к удобной двери.

Смольцева поднялась одновременно с ним. Отпустить нас к узлу без себя означало получить ещё один разговор, порядок которого определяла не она.

Козин принял маршрут по связи и встретил нас у поперечной лестницы. Он шёл впереди, я — за ним, Бирюк держался на расстоянии вытянутой руки, а декан замыкала процессию. На первом повороте мы миновали архивный коридор; Фыр потянул носом к тёмной полосе под запертой дверью, однако Козин щёлкнул пальцами и указал в противоположную сторону.

— Сегодня расследуем по одному крылу за раз, барсук.

«Он боится, что я выберу работу интереснее его».

«Он боится объяснять декану, почему потерял ещё одного задержанного».

За лестницей штукатурка сменилась голым кирпичом. Решётки под потолком выдыхали горячий металл и озон; вдоль стены гудели трубы, а между ними тянулись жилы кристаллического провода. Свет внутри жил разгорался и слабел неровно. У второй служебной двери Козин приложил ключ, дождался зелёного огня и только потом впустил нас в узкий технический проход, где двоим приходилось идти плечом к стене.

Фыр держался у моей ноги настороже, приносясь к воздуху совсем иначе, чем в жилом крыле.

«Здесь пахнет мёртвым огнём».

— Что это значит?

«Значит, что-то горело и перестало. Давно перестало».

Служебная дверь с табличкой «Только персонал» стояла приоткрытой; за ней ждал техник — невысокий мужчина в тёмном комбинезоне и защитных перчатках, потемневших на подушечках от старых разрядов. При виде декана он поднялся слишком резко и поймал локтем лоток с инструментами раньше, чем тот съехал со стола.

— Егоров, — представил его Бирюк коротко. — Снял показания с локального блока по моей просьбе.

— Показать пока нечего, — Егоров перехватил лоток обеими руками и отступил, пропуская нас к маленькому металлическому шкафу у дальней стены. — Но раз инспектор привёл зрителей, повторю при записи.

Дверца шкафа стояла нараспашку. Внутри темнел зарядный узел: гнездо, где обычно лежал Ключ между сеансами, теперь напоминало обугленную ладонь — металлические лепестки держателя оплавившись и слипшись, кристалл-накопитель в середине треснул надвое, а верхняя половина покрылась чёрной сеткой трещин, словно по стеклу однажды прошла молния и замерла, не успев погаснуть.

— Основной журнал не читается, — Егоров поставил рядом два считывателя: плоский чёрный и старый латунный, с пучком отдельных контактов. — Разряд прошёл через внутреннюю шину и спёк рабочий кристалл. Причину по этому состоянию я не назову: перегрузка, неправильное снятие, намеренное повреждение дают похожую картину. Резервный блок уцелел корпусом, но последовательность наружу не отдаёт. Доступны температура и отметка последнего питания. Этого мало, чтобы установить порядок действий.

Бирюк включил запись. Егоров вставил чёрный считыватель в боковой разъём. На маленьком экране вспыхнули четыре строки, нижняя дрогнула и превратилась в ряд пустых квадратов.

— Новый протокол не понимает старую упаковку, — пояснил техник и заменил прибор латунным. Тонкие контакты пришлось вводить по одному: первый дал красный огонь, второй — жёлтый, на третьем внутри корпуса щёлкнуло. — А старый видит заголовок и захлёбывается на повреждённом слое.

Он повернул к нам экран. На нём сохранялись время последнего питания и температура корпуса; ниже, там, где должны были идти действия, тянулась пустая полоса.

— Могу вскрыть кристалл, снять оболочку слоями и попытаться вычитать остаточную намагниченность, — Егоров положил кусачки рядом с корпусом. — После этого блок перестанет существовать как устройство. Шанс получить последовательность небольшой. Шанс потерять даже эти две строки — почти полный.

Смольцева дождалась, пока оба прибора погаснут.

— Техническая проверка дошла до понятного предела. Оформляйте разбор, а мы вернёмся к вопросам, которые можно задать вслух.

— Пока не режьте, — я присел перед открытым шкафом. Металл отдавал в лицо остаточным теплом, хотя Егоров уже отключил питание. — Мне нужен именно этот блок целиком.

Я наклонился к треснувшему кристаллу так близко, что дыхание легло на него тусклым пятном. Вещь была мертва только в настоящем состоянии. До разряда она оставалась рабочим устройством, а Реестр рода связывал меня не с одним зверем, а с набором возможностей, названий которых прежний Лев толком не знал.

Бирюк отступил на полшага.

— «Достают ваши инструменты» звучит так, словно вы предлагаете достать что-то своими.

— Предлагаю попробовать, — я поднялся, чувствуя, как лента тянет кожу при каждом движении руки. — Фыра я вызвал по формуле, которую помнило тело. Сейчас попробую открыть Реестр не по имени, а по задаче.

Фыр вскинул голову так резко, что уши прижались к черепу.

«Ты не знаешь, кто ответит на слепой зов. Может ответить голод. Может ответить злость. Может не ответить никто — и тогда ты просто выставишь себя дураком перед деканом».

«Может ответить нужное. Больше вариантов у нас нет».

— Это неразумно, Вязьмин, — Смольцева впервые за разговор произнесла моё имя без титула, и это прозвучало резче любого «барон». — Незнакомый призыв в присутствии следствия — не жест смелости. Это риск, который несёте не только вы.

— Козин остаётся у двери, — Бирюк поднял телефон и повернул камеру так, чтобы в неё попали мои руки, открытый шкаф и Егоров. — Техник отходит от устройства. Декан, если вызов пересечёт порог или коснётся человека, прекращаем.

— Чем? — спросил Егоров, уже отступая к стене.

— Сначала дверью, потом всем тяжёлым, что найдём в комнате.

Фыр сел передо мной, закрыв собой прямой путь к людям.

«Если придёт голод, я укушу его первым».

«Если придёт что-то больше тебя?»

«Укушу выше».

Я прижал два пальца к запястью, туда, где под кожей спала фамильная Печать. Холод вошёл в кожу узкой иглой. Перед внутренним зрением раскрылась не книга со страницами, а тёмный ряд знаков, каждый из которых предлагал действие ценой, спрятанной до вызова. Одни отзывались запахом земли, другие — высотой, водой, жаром. Я провёл вниманием мимо знакомого серого следа Фыра и не позволил Реестру подsunуть ближайший ответ вместо нужного.

Мне требовался не зверь, способный найти обломок, и не существо, которое починит металл. Починка дала бы новый пустой блок. Я удержал одно условие: тот же предмет в последнем состоянии, когда он ещё мог ответить технику.

Первый знак обжёг запястье и погас. Второй потянул из комнаты тепло, но оказался связан с плавкой. Третий выглядел как две тонкие дуги, обращённые в разные стороны. Стоило коснуться его, как дверь за спиной и дверца шкафа одновременно скрипнули на петлях.

Я не знал имени. Представил треснувший кристалл, его последнее целое мгновение и толкнул через Печать одну просьбу без готовой формулы: явись тот, кто держит переход между состояниями вещи.

Воздух у притоки служебной двери дрогнул: саму дверь на миг вывернуло изнутри наружу. Из тёмного проёма шагнула невысокая фигура — тело из сухого чёрного дерева, местами тронутого сажей: плоть, выросшая из пепла давно потушенного костра. Там, где у человека полагалось быть одним лицом, у неё было два бронзовых лика, глядящих в противоположные стороны — один гладкий, почти юношеский, второй изрезанный морщинами, с тяжёлыми веками. Оба смотрели одновременно: один на меня, второй в глубину коридора, туда, откуда мы пришли.

Егоров попятился к стене так резко, что задел инструменты локтем; они с грохотом посыпались на пол. Смольцева не отступила ни на шаг, но её правая рука нашла край металлического шкафа и легла на него плотнее, чем требовалось для равновесия.

Молодое лицо шевельнулось первым.

— Дверь позвала меня раньше тебя, мальчик с холодной печатью, — голос был ровным, звонким, без возраста. — Ты хочешь то, что было, а не то, что есть. Это моя работа. Что ты принёс мне взамен?

— Сначала имя. Цена без имени похожа на сделку с человеком, который заранее собирается исчезнуть.

Старое лицо повернулось ко мне через левое плечо, хотя молодое продолжало смотреть прямо.

— Янус. Для двери достаточно. Для Реестра — если выдержишь выбор.

Две обращённые друг от друга дуги на запястье соединились короткой чертой. Имя проступило под знаком и осталось тусклым: вызов ещё не завершился договором.

— Я принёс вопрос, — я удержал руку на весу, чтобы знак видели Бирюк и камера. — Цены не знаю. Назови её до того, как коснёшься блока.

Старое лицо качнулось вперёд, перехватывая разговор без паузы, каким-то образом продолжая одну мысль двумя разными ртами.

— Одна вещь. Не живая. Пять минут её последнего целого мгновения — не больше, не раньше, не позже. Столько я умею вернуть сейчас, без подготовки, без имени, вписанного в твой Реестр заранее.

— А цена?

Молодое лицо снова опередило старое.

— Откажись сейчас. Впиши имя, корми знак силой, учись держать переход — и будешь звать меня снова. Сначала на те же пять минут, потом дольше. Сегодня сохранишь будущий инструмент и уйдёшь отсюда с пустыми руками.

Старое лицо ответило тише, и в его голосе прозвучала не угроза, а усталость, знакомая мне по каждому суду, где обвинение опаздывало на день.

— Или сейчас. Пять минут этому куску металла и стекла. Не человеку, не городу — только ему. И больше ты меня не позовёшь, сколько бы крови ни пролил на печать. Знак сотрётся из Реестра, точно меня не звали никогда.

Смольцева не удержалась.

— Слышите, барон? Даже демон предлагает вам подождать.

— Демон предлагает мне выбор, а не совет, — я не отвёл взгляда от двух лиц. — Я слышал оба голоса. Спрашиваю прямо: если я выберу сейчас, ты гарантируешь, что внутри останется что-то полезное?

Оба лица ответили одновременно, и от этого голос на миг раздвоился, наложился сам на себя.

— Нет.

Тишина после этого слова оказалась тяжелее любого крика. Фыр придвинулся к моей ноге плотнее, чем когда-либо, и его мысль пришла тихой, без обычной язвительности.

«Ты можешь сжечь единственный шанс ради пустоты. Он честно предупредил. Дважды».

«Знаю».

Сохранённый знак мог стать лучшим инструментом сыщика во всём городе. Не обещанием комнаты или прошлого мира — Янус такого не предлагал, — а возможностью ещё раз поставить повреждённую вещь перед экспертом. Завтра такая вещь могла оказаться важнее одного резервного блока.

За дверью оставался Денис: первокурсник с больным плечом, матерью-уборщицей и младшей сестрой. Он уже признался в деньгах и незаконном поручении. Если журнал молчал, Академии хватало этой половины правды, чтобы назначить ему целую вину. Будущая улика, сбережённая для неизвестного клиента, сегодняшнему мальчишке не помогала.

— Сейчас, — сказал я. — Этот кристалл. Пять минут. Принимаю цену.

Старое лицо склонилось ко мне на долю дюйма — то ли поклон, то ли взвешивание.

— Тогда положи руку рядом с моей.

Я протянул ладонь. Демон коснулся её тыльной стороной пальцев — тёмных, как обугленное дерево, но тёплых, не мёртвых. От прикосновения по руке прошла дрожь, точно под кожей на миг развернулась вся история этого дня в обратную сторону и снова легла на место.

— Пять минут, — повторил Янус. — Отсчёт начнётся, когда я коснусь корпуса. Считать будешь сам, мальчик с печатью. Я умею поворачивать, а не ждать.

— Секундомер, — потребовал я.

Бирюк открыл часы на телефоне и поднял экран перед камерой. Егоров поставил оба считывателя на край стола, разложил контакты и только после этого кивнул. Молодое лицо Януса смотрело на его руки; старое — на меня.

— Начали.

Тёмная ладонь легла на бок резервного блока. Трещины сомкнулись от краёв к середине, чёрная крошка поднялась со дна шкафа и пристала к корпусу, оплавленные лепестки выпрямились. На знаке Реестра погасла одна из двух дуг.

— Пять минут, — объявил Бирюк и запустил отсчёт.

Егоров вставил чёрный считыватель в целый разъём. Экран вспыхнул, показал заголовок и потребовал служебную метку, которой переносной прибор не выдавал.

— Не пускает без старого допуска.

— Латунный.

— У него другой контакт.

Техник потянулся за кусачками, намереваясь снять внешнюю рамку. Я шагнул ближе и подставил сцепленные руки под его предплечье раньше, чем металл коснулся корпуса.

— Резать нельзя. Янус вернул состояние блока, не дал нам второй блок под ним. Нарушите корпус — будем читать уже нашу поломку.

— Тогда переходник нужен. В нижнем ящике, серый пенал.

Фыр оказался у стола первым, но сунуть морду в ящик ему не позволил Козин. Конвойный выдвинул ящик, Егоров назвал пенал, Бирюк вскрыл его в кадре. Внутри лежали пять пластин с одинаковыми защёлками и разной разводкой контактов.

— Какая?

— Вторая слева. Нет, узкая под ней.

Козин передал пластину технику через ладонь Бирюка. Егоров соединил латунный считыватель с блоком; защёлка не закрылась. Он перевернул пластину, попробовал снова и получил зелёный огонь.

— Три минуты сорок, — сказал Бирюк.

На экране появилось дерево разделов. Егоров выбрал полный журнал, однако прибор ответил, что памяти приёмника хватит только на один временной отрезок.

— Нужны границы, — техник посмотрел на нас поверх экрана. — Весь день не помещается. Если промахнёмся, вторую выгрузку можем не успеть.

Смольцева назвала время обнаружения футляра.

— Берите последние полчаса перед криком ректора.

— Нет. — Я вспомнил путь Дениса от шкафчика до служебного прохода и отметку датчика, с которой начиналась его реконструкция. — Начало ставьте перед первым появлением Леонтьева в служебном коридоре. Конец — изъятие футляра. Нас интересует, что уже случилось к его приходу, а не только то, что делал он.

Егоров ввёл границы. Полоса выгрузки поползла медленно, остановилась на трети и покраснела.

— Ошибка контрольной суммы.

— Две минуты пятьдесят.

Техник открыл настройки и отключил изображения состояния, оставив только действия, отметки времени и положение защёлок.

— Без снимков корпуса потеряем вид повреждения.

— Его видят пять человек и камера, — ответил я. — Качайте последовательность.

Вторая полоса дошла до конца. Строки выстроились по времени: зарядка, снятие Ключа, состояние футляра, обращения к гнезду. Я не искал имя первым — имя могло увлечь за собой всю оставшуюся минуту. Нашёл появление Дениса на соседнем датчике и поднялся выше.

— Здесь. Ключ снят до того, как Леонтьев вошёл в служебный проход. В той же строке — положение защёлки.

— Футляр закрыт, — прочитал Бирюк. Он провёл пальцем ниже, не касаясь экрана. — После снятия повторного открытия гнезда и футляра нет. Леонтьев к зарядному узлу не подходил.

Смольцева придвинулась к Егорову так близко, что плечом едва не закрыла камере экран.

— Кто снял?

Техник открыл поле владельца доступа. Вместо имени стоял повреждённый знак. Он переключил резервную таблицу, затем служебный заголовок: в обоих местах повторялась одна и та же пустота.

— Идентификатор не сохранился. Действие, время и состояние защёлки есть. Владельца доступа блок не отдаёт.

— Попробуйте сырую строку.

— Сорок секунд, — предупредил Бирюк.

Егоров вывел строку без расшифровки. Ячейка имени была заполнена нулями ещё до выгрузки; искать в ней буквы означало придумывать человека из пустого места.

— Хватит, — остановил я техника. — Сохраняйте файл и контрольную сумму. Имени здесь нет.

Егоров подтвердил запись на двух носителях. Бирюк снял один, Козин принял второй в пакет, и только после этого на часах остались последние секунды.

— Три, — отсчитал прапорщик. — Два. Один.

Свет в кристалле погас разом. Оплавленные лепестки держателя снова слиплись, трещины разбежались по стеклу, а восстановленный разъём осыпался чёрной крошкой. Егоров успел выдернуть переходник; кристалл ударил его слабой красной искрой и вернулся в то состояние, в котором мы его нашли.

В дверном проёме никого не осталось. Два бронзовых лица исчезли без дыма и прощания. Я открыл Реестр на запястье: одна дуга уже погасла вместе с началом отсчёта, теперь истаяла вторая. Короткая черта между ними держалась ещё один удар сердца, затем имя Януса стёрлось от последней буквы к первой. На его месте не осталось даже серого следа, по которому можно было бы вызвать ещё раз.

Глава 6

«Его больше нет», — сказал Фыр. Он не просил пирог и не пытался назвать потерю удачной сделкой.

«Знаю».

Я закрыл Реестр, пока Смольцева не превратила цену в новый вопрос о моей пригодности к экзамену.

— Установлено четыре вещи, — я загнул большой палец, не касаясь второй рукой ленты. — Ключ сняли до появления Дениса. Футляр к тому времени закрыли. После снятия гнездо и футляр повторно не открывали. Денис к зарядному узлу не подходил. Имя снявшего не установлено — его нет в сохранившихся данных.

— Пятая вещь, — добавил Бирюк, проверяя оба носителя. — Незнакомый призыв применён при свидетелях и утрачен. В протокол попадёт отдельно, чтобы завтра никто не решил, будто техник восстановил журнал обычным способом.

Егоров убрал кусачки, которыми собирался вскрывать блок. Разбор потерял смысл: две строки старого состояния уже лежали на носителях, а последовательность была сохранена целиком в доступном объёме. Он опечатал шкаф и расписался поперёк ленты вместе с Козиным.

Смольцева отступила от устройства только после второй подписи.

— Вы получили доказательство в пользу первокурсника и не получили ни одного нового обвиняемого. Денис всё равно принял деньги, выполнил незаконное поручение и оказался с Ключом возле тела.

— Да. Янус не сделал его честным и не выбрал нам убийцу. Он отделил действия Дениса от действий человека у зарядного узла. Теперь их нельзя складывать в одну удобную фигуру.

— Записка требует объяснения, — декан развернулась к выходу. — Как и то, чем вы коснулись её до перчаток.

Обратно мы шли тем же техническим проходом, но теперь Козин нёс запечатанный носитель у груди, а Бирюк — второй в кармане под застёгнутым клапаном. Фыр один раз оглянулся

на служебную дверь. За ней остался испорченный блок и пустое место в Реестре; впереди ждали записка, сургуч и ошибка, которую я уже успел внести собственными руками.

У кабинета Смольцева первой взялась за ручку, однако Бирюк задержал дверь ладонью.

— Формулировку по Леонтьеву повторите внутри, Вязьмин. Коротко и без попытки оправдать его целиком.

— Он получил закрытый футляр и не подходил к гнезду. Деньги, записка и маршрут проверяются отдельно.

— Вот теперь можно продолжать.

Мы вернулись к низкому столику. Коробок Дениса оставался отдельно от синей банки, а пакет с запиской лежал поверх него красной сургучной крошкой к свету.

Красный сургуч на сгибе совпал цветом с крошкой на денисовой манжете.

— Записки вы коснулись экзаменационным билетом. До того, как надели перчатки.

— Да. Я хотел отвести бумагу от ладони Дениса и сам добавил след с края билета. — Я не стал убирать его со схемы. — Исправить уже нельзя.

— Зато можно сразу признать. — Бирюк запечатал использованную перчатку в отдельный пакет. — Это лучше, чем заставить лабораторию самой выяснять, откуда взялось лишнее касание.

Смольцева вытянула раскрытую ладонь между мной и уликой, будто ещё раз перекрывала дверь.

— Комиссия увидела студента с Ключом. Если вы так дорожите лицензией, зачем вмешались? Молчание сохранило бы вам шанс закончить испытание, а Леонтьев отвечал бы за собственный выбор.

— И остался бы вором рядом с трупом, которого не убивал.

— А вы стали бы выпускником. — Её ладонь повернулась к отсутствующей ведомости, и движение оказалось убедительнее любой бумаги. — Вы могли сообщить о сомнениях после решения комиссии.

— Получить лицензию за первый намеренно пропущенный факт? — Я положил кольцо рядом с коробком Дениса. — Такой сыщик удобен только тому, кто заранее платит ему за слепоту.

— Даже сейчас продаёте будущую практику.

— Даже сейчас мне придётся кормить усадьбу и зверя. — Фыр услышал последнее слово, подошёл и тяжело поставил лапу на мой сапог, напоминая о размере будущих расходов. — Но голодный сыщик всё ещё обязан видеть мёртвого. Аркадия уже использовали один раз. Я не позволяю закрыть дело телом первокурсника только потому, что это удобно Академии.

В кабинете стало слышно, как за стеной отрывают липкую плёнку от пола. Смольцева медленно опустила ладонь. Бирюк повернул коробок длинной стороной к ширме и подвинул ко мне остальные предметы.

— Версия целиком. Покажите руками, без красивых слов.

Я собрал предметы. Синяя банка осталась у круга призыва, коробок пошёл от служебного прохода за ширму, а записка легла между ними, отмечая чужое обещание денег.

— Убийце нужен был послушный вор. Денис всё испортил, когда испугался.

Я поставил закрытый футляр у служебной двери на схеме, сдвинул записку с деньгами к воображаемому шкафчику первокурсника и оставил синюю банку за ширмой, возле тела Аркадия. Дениса обозначил коробком и провёл им весь путь от шкафчика до ширмы; на последнем повороте картон качнулся и упёрся в футляр. Чужой маршрут привёл парня к готовой постановке, а доступ к Ключу и телу остался у тех, кого схема ещё не называла.

— Человек с административным допуском снял Ключ с зарядки и закрыл гнездо до того, как футляр попал к Денису, — продолжил я. — Ему заранее подложили деньги и записку, довели до служебного входа и велели оставить футляр, не оборачиваясь. Дальше постановка

должна была закончиться сама: Ключ находят возле тела, Дениса — возле Ключа. Только за дверью что-то упало. Он увидел сапог, решил, что его заметили, и от страха забрал футляра обратно. А когда ректор закричал, все снова увидели ровно то, что им приготовили: первокурсника с украденной вещью.

Бирюк подхватил коробок двумя пальцами: тот уже съезжал с узкого столика вслед за моим жестом.

— Почему обратно? Испуг обычно гонит человека от места преступления.

— От места преступления — да. Денис ещё не знал, что оно там есть. Он думал, что провалил мелкую кражу и оставил свидетелю свою спину. Вернуться за уликой в таком страхе — глупость. Поэтому я ему и верю: хороший исполнитель подставы поступил бы разумнее.

Смольцева накрыла ладонью синюю банку, как будто одно прикосновение возвращало ей власть над разложенной на столе историей.

— Вы охотно оправдываете Леонтьева, барон. Назовите того, кого обвиняете вместо него.

— Назову, когда человек появится из фактов, а не из вашего желания поскорее закончить разговор. — Я оставил банку под её рукой и коснулся по очереди футляра, записки и служебной двери на схеме. — Организатор имел доступ к зарядке Ключа, знал долг Аркадия, знал расписание камер и мог провести первокурсника к закрытому коридору. Дайте список людей, у которых сходятся все четыре возможности, и у нас появятся имена.

— Пока же у вас только удобная конструкция.

— Она неудобная. Удобная сидела под конвоем и была готова подписать всё, что ей положат перед носом.

Бирюк задержал на мне взгляд, затем собрал пакеты в папку. Ремешок застегнулся с сухим щелчком; в тесном кабинете этот звук прозвучал как принятое решение.

— Начнём с архива. Мне нужен коридор, из которого принесли тело.

Фыр сорвался с ковра раньше нас. Короткие когти простучали по камню, серый зад мелькнул между сапогами Бирюка и исчез за порогом. Прапорщик взялся за ручку, однако Смольцева уже стояла в дверном проёме. Одной ладонью она упёрлась в косяк, второй придерживала тяжёлую створку, и проход сразу сделался уже.

— Архивное крыло опечатано после отключения камер. Без допуска ректора вы ленту не снимете.

— Там могло начаться перемещение тела, — Бирюк поставил ботинок между дверью и порогом. Доска ударилась о носок и осталась открытой. — Поэтому мне нужны пол, журнал входов и зарядный контроллер. Сейчас, пока следы принадлежат сегодняшнему вечеру.

За плечом декана тянулся коридор с высокими окнами. Дежурные лампы оставляли на паркете жёлтые островки, дальше свет обрывался у поворота в архивное крыло. Именно оттуда принесли Аркадия. На светлом камне ещё блестела тонкая влажная полоса от колеса носилок.

Смольцева сняла с пояса плоский служебный ключ. Металл лёг на её ладонь, блеснул между ней и Бирюком. Прапорщик протянул руку, но декан развернулась к шкафчику у двери, положила ключ внутрь и захлопнула стальную дверцу. Механический замок провернулся дважды. Маленький ключ от него она убрала в карман сюртука.

— Утром войдёте вместе с юридической службой Академии. Тогда осмотрите всё, что сочтёте нужным.

— Человек мёртв сейчас, Феодосия Игнатьевна. — Бирюк убрал руку и положил ладонь на запёртую дверцу. — Следы тоже исчезают сейчас. Вы за что отвечаете: за расследование или за то, чтобы закрытые материалы родов пережили скандал?

— За материалы, доверенные Академии. Внутри лежат родовые формулы, личные реестры и сведения, за утечку которых отвечу я.

— А за пол ответит кто-нибудь другой?

Смольцева посмотрела на его ботинок в проёме. Бирюк не уступил ни сантиметра.

У дальнего поворота показался Фыр. Он шёл медленнее, чем прежде, почти прижав живот к камню. Возле границы света остановился, вытянул морду и втянул воздух. В следующий миг зверь попятился, а шерсть на хребте встала дыбом, как у ширмы, когда он впервые почувствовал тело.

«Холодная ткань. Та же. След тянут дальше, но он уходит. К утру останется только камень».

Меня ещё знобило после призыва, и от его слов холод прокатился по предплечью до самой печати. Я вышел в коридор, присел рядом с Фыром и коснулся тыльной стороной пальцев пола. Камень был прохладным и сухим; носу человека он ничего не отдавал.

— Фамильяр держит маршрут от тела к архивному повороту, — сказал я. — Запах слабеет. Электронный журнал проживёт семь суток, если его не тронут. Этот след к утру пропадёт в пыли, обуви и утренней уборке.

Смольцева повернулась так резко, что ключ в её кармане ударил о пряжку ремня.

— Семи суток достаточно, чтобы снять журнал в присутствии ответственных лиц. Пол под охранной печатью. Ночью туда никто не войдёт.

Она сама принесла в разговор срок, о котором я не успел спросить.

Я выпрямился, оставив между нами несколько шагов. Если декан хотела закрыть дверь, ей предстояло самой пройти ко мне через полосу света.

— Откуда вы знаете, что копии хранятся семь суток?

— Я декан этой Академии. Было бы странно, если бы я не знала устройство собственной охраны.

— Тогда вам проще всех открыть журнал сейчас и доказать, что за последние часы к нему никто не прикасался.

На её лице ничего не изменилось. Только правая рука легла поверх кармана с маленьким ключом, будто проверяя, на месте ли он.

Бирюк вытащил из внутреннего кармана ведомственную plombировочную полоску, оторвал защитную бумагу и наклеил её поперёк дверцы шкафчика. Он не торопился: разгладил большим пальцем верхний край, прошёлся по нижнему, прижал номерную печать к металлу.

— Отказ зафиксирован. Ключ остаётся здесь под моей пломбой. Если к утру дверца, номер или положение ключа изменятся, осмотр начнётся с этого шкафа, а разговор — с вас.

Смольцева дёрнула ручку. Металл звякнул, белая полоска натянулась и осталась цела.

— Ещё что-нибудь, прапорщик?

— Расписка Вязьмина, показания княжича Оболенского, список людей с административным доступом и ночь, которую вы только что оставили между убийцей и архивом. Для начала хватит.

Обратно в кабинет мы вошли уже не собеседниками. Фыр занял место у двери, Бирюк остался стоять возле спинки стула, а Смольцева положила обе ладони на столешницу и заслонила собой схему. Бумажный коридор исчез под её рукавами, настоящий остался заперт у нас за спиной.

— Решение по вашему испытанию приостановлено, барон Вязьмин. До повторного вызова вы остаетесь на территории Академии. К архивному крылу не приближаетесь ни под каким предлогом.

До взыскания по усадьбе оставалось одиннадцать дней. Лицензия, ради которой я восемь месяцев учился жить в теле Льва, теперь лежала на другой чаше весов вместе с трупом, запертым коридором и подписью женщины, решившей подарить следу целую ночь.

Я снял кольцо со схемы и надел на палец.

— Что будет с Денисом?

— Его оставят отдельно до проверки записки и денег.

Бирюк накинул пальто, но папку не отдал. Коробок он сам развернул длинной стороной к двери, словно и пустой футляр должен был видеть, кто его выносит.

— Леонтьев остаётся свидетелем. Незаконное перемещение Ключа разберём отдельно, убийство на него пока никто не вешает.

Смольцева перевела взгляд с папки на Бирюка, затем на меня.

— Проведите эту ночь спокойно, барон. Поверьте, сейчас это в ваших интересах.

— В моих интересах, чтобы утром архив пах так же, как сейчас.

Она подошла к двери. Фыр поднял морду, уши прижались к голове. Правая рука декана легла на холодную ручку, и два пальца — указательный и средний — дважды постучали по металлу. Быстро, сухо, с одинаковым промежутком.

Дверь закрылась за Смольцевой. Её шаги прошли по коридору и растворились возле поворота.

— Дверь, — произнёс Бирюк, прежде чем я успел убрать жест в память.

— Что именно вас заинтересовало: дерево, ручка или женщина, которая ждала от неё признания?

— Женщина ушла. Вы остались и смотрите на ручку так, будто та может дать показания. Что увидели?

Он не упустил ни моего взгляда, ни движения Смольцевой. Компетентность Бирюка пряталась под помятой формой лучше, чем у иных следователей под генеральскими погонами.

— Два удара указательным и средним пальцами. В первый раз она сделала то же самое, когда закончила разговор о моём долге. Пока это может быть привычкой: собирается перед выходом, стряхивает напряжение, проверяет металл. Если жест повторится рядом с одним классом вопросов, получим реакцию.

Бирюк достал блокнот, но ручку пока не открыл.

— На ложь?

— На страх, злость, необходимость принять решение, определённое имя — вариантов хватит. После третьего раза начнём отделять. Со второго люди особенно любят выдумать закономерность и потом подгонять под неё всё живое.

— А запах?

Фыр подошёл к двери и глубоко втянул воздух вдоль щели.

«Кисло. Резко. Так пахнут люди, которые солгали самим себе и хотят, чтобы нос тоже поверил».

— Запах изменился, когда она заперла архив, — перевёл я. — Фыр считает, что она солгала самой себе. Какое именно слово было ложью, он не знает.

«Знаю. Почти».

— Почти не считается.

Бирюк всё-таки записал: «два пальца — наблюдать». Ни слова о лжи, ни стрелки к имени Смольцевой. Потом захлопнул блокнот и потёр переносицу костяшками.

— Вы очень стараетесь сделать мою работу интереснее, барон Вязьмин.

— За интерес полагается надбавка?

— Полагается разговор с женой о том, почему я опять не пошёл в частную охрану. Там преступники хотя бы не меняют название ведомства раз в квартал.

Он снял запись с паузы, сверил время и одним движением убрал аппарат в карман. В кабинете стало слышно, как за стеной катят пустые носилки: одно колесо поскрипывало на каждом обороте.

— Теперь о вашем положении. Я могу оформить вас подозреваемым прямо сейчас. Мотив есть, с погибшим вас связывает долг, на месте вы распоряжались увереннее половины комиссии и о времени смерти рассуждали так, будто успели провести вскрытие. Против вас говорит много удобного. За вас — датчики экзаменационного круга, расписка, которую я про-

верю, и испуг Леонтьева. Парень слишком убедительно объясняет, почему вы вообще полезли за ширму. До утра вы свидетель с признаками причастности.

— Смольцева произносит «свидетель» так, будто прикидывает размер наручников.

— У неё убит студент, сорван выпуск, ректор годится только для громких вопросов, а Совет Академии через час начнёт звонить по старшинству титулов. На её месте даже у святого испортится характер.

— Вы её защищаете?

Бирюк сунул ручку в нагрудный карман, промахнулся и поймал её у самого пола. Выпрямился уже с недовольством человека, которого предало собственное обмундирование.

— Я защищаю право не назначать убийцу по неприятному голосу. Ваше право, кстати, тоже. Поэтому запоминайте: Академию не покидать, в архив не лезть, с Леонтьевым до повторного опроса не встречаться, участникам экзамена не звонить и показания не согласовывать. О погоде с княжичем Оболенским можете поговорить, если он способен обсуждать дождь без Министерства родового права.

— Не способен. У него даже облака принадлежат дому Оболенских по праву первого наблюдения.

— Тогда молчите оба. Так у меня будет хотя бы одна спокойная ночь.

Он вытащил официальный бланк и расправил его на столе поверх пустого края схемы. Половину шапки перечёркивала толстая линия, над старым названием ведомства стоял прямоугольный штамп с новым, а под ним чья-то рука приписала третью аббревиатуру.

— Сильный документ, — я наклонился ближе. — Видно, что пережил больше реформ, чем некоторые государства.

— Бланк отпечатали до первой, штамп поставили после неё, ручку применили после второй. К следующей неделе обещали наклейки. Читайте и расписывайтесь здесь и здесь — мне важно, чтобы вашу будущую глупость вы совершили информированно.

Я прочитал каждую строку. В пределах ограничения оставались общежитие, учебный корпус, столовая и лечебное крыло. Архив был вынесен отдельным пунктом. Срок стоял до повторного решения инспектора, а не декана: Бирюк не отдавал Смольцевой право держать запрет сколько ей захочется.

— Вы оставили себе возможность отменить ограничение.

— Я оставил процедуру. Лазейкой её называют те, кто читает после подписи.

Ручка легла в пальцы непривычно знакомо. Я вывел «Лев Вязьмин» одним движением; тело помнило эти буквы лучше, чем я успел привыкнуть к имени. В прошлой жизни под сотнями протоколов стоял Матвей. Здесь закон признавал другого человека, однако спорить с чернилами было некогда. Я сложил бланк вчетверо так, как привык складывать всё важное сам Лев, и убрал во внутренний карман. Чужая рука, чужая подпись, чужая привычка — всё уже работало на одно дело.

Бирюк поднял со стола мой телефон. Прозрачный пакет шуршал в его руке.

— Забирайте. Журнал вызовов снят, связь я не блокирую. Вы взрослый... — Он перевернул анкету, посмотрел на дату рождения и вернул телефон экраном ко мне. — Почти взрослый. Если решите испортить себе жизнь звонком, сделайте это сами, чтобы потом не обвинять государство в подавлении характера.

Подпись под бланком ограничения ещё блестела, когда Бирюк вернул мне телефон. Прозрачный пакет по-прежнему шуршал в его руке, зато вместо номера дела на бирке уже стояло моё имя.

— Леонтьева опросят без Смольцевой? — Я взвесил телефон на ладони и убрал во внутренний карман.

— Опрашивают. Отдельно, в другом крыле. — Бирюк защёлкнул портфель, но к двери не пошёл. — Он назвал шкафчик тридцать семь. Группа только добралась до общежития и ждёт разрешения на вскрытие.

Глава 7

— Значит, мы тоже идём.

Бирюк взялся за ручку двери и остался стоять. В его взгляде появилось то терпение, которым обычно встречают ребёнка, решившего проверить пальцем, горячая ли плита.

— Леонтьев сейчас описывает шкафчик и деньги. Если вы увидите содержимое раньше, чем он закончит, защита скажет, что показания подогнали под находку. Если ему перескажут ваши выводы, скажет то же самое наоборот.

— Разведите нас физически. Денис остаётся в своём крыле, я иду к шкафчику. Его описание запечатывают до вскрытия, моё — пишут на камеру. Между группами никто не бегают с подсказками.

Бирюк отпустил ручку.

— Вы успели придумать условие быстрее, чем я сформулировал отказ.

— Я тренировался на людях, которые отказывали убедительнее.

Он вынул рацию, прижал к уху и заговорил вполголоса. Сначала потребовал отделить Дениса от остальных выпускников, затем велел закончить свободный рассказ, записать его описание тайника дословно и вложить лист в пакет. Никто из группы опроса не должен был заходить в боковое крыло общежития. Пакет передаст дежурный, не присутствовавший при вскрытии.

Я дождался, пока Бирюк повторит запрет дважды.

— Довольны? — Он вернул рацию на пояс.

— Буду доволен, когда увижу закрытую дверь.

— Козин, — позвал Бирюк в коридор. — Найдите конвой. Барон Вязьмин решил лично убедиться, что государство умеет открывать шкафчики.

Козин оторвался от разговора с охранником и посмотрел сначала на меня, потом на Бирюка. Видимо, надеялся, что один из нас пошутил. Не дождался и махнул двум конвойным.

— Через внутренний переход, — распорядился он. — С жилым крылом не пересекаемся.

Мы вышли из кабинета. Здесь ещё пахло антисептиком, мокрым камнем и горелой пылью из экзаменационного зала. За двойными дверями продолжали перекачивать ящики с аппаратурой; колёса ударялись о порог, кто-то ругался, требуя не кантовать пломбы. Фыр шёл рядом с моей ногой, косился на портфель Бирюка и явно не оставил надежды выяснить, что там пахло ванилью.

У лестницы Козин свернул не к главному выходу, а к узкой застеклённой галерее. Академический корпус соединялся с общежитием крытым переходом над внутренним двором. Внизу под морозящим дождём стояли выпускники: их отпускали небольшими группами, сверяли фамилии и рассаживали по машинам. Дениса среди них не было.

Конвойный придержал передо мной дверь галереи.

— За линию не выходить. С задержанным не разговаривать. Телефон не доставать.

— Если вы повторите это ещё раз, запрет станет молитвой?

— Станет записью в рапорте.

— Тогда уже подействовало.

Стекло дрожало от ветра. Через него экзаменационный корпус казался отдельным зданием, хотя до кабинета Бирюка оставалось меньше сотни шагов. Это расстояние и было сейчас нашей защитой: Денис говорил за каменной стеной, я шёл над двором, и ни один из нас не знал, что увидел другой.

В общежитии нас встретил запах сырой одежды, сапожного крема и вчерашней каши. Козин не повёл к жилым этажам. Мы спустились на полпролёта по служебной лестнице, миновали решётчатую дверь и оказались в длинном боковом коридоре. Слева стояли велосипеды и складные самокаты, справа тянулся ряд металлических шкафчиков. Серые дверцы были исцарапаны пряжками сумок, номера поверх старой краски выводили белым трафаретом.

У тридцать седьмого уже поставили складной столик. На нём лежали фотоаппарат, чистые пакеты, перчатки и небольшая чёрная кассета для следов. Молодой сотрудник держал ключ в отдельном пакете. Эксперт-криминалист настраивала камеру на треноге, не приближаясь к дверце.

— Вскрытия не было, — сообщила она Бирюку. — Замок и петли сняты со всех сторон. Ключ принял у дежурного лично он.

Молодой сотрудник поднял пакет, показывая бирку и целую пломбу.

— От Леонтьева?

— Сняли с кольца при нём. Он подтвердил номер, я упаковал.

— Камера пишет? — спросил я.

Эксперт повернула планшет. На экране помещались дверца, столик и наши руки. В дальнем углу мигала красная точка.

— С того мгновения, как мы вошли в коридор.

— Тогда сначала состояние замка. Фыр, к двери не лезь.

Барсук остановился в двух шагах и шумно втянул воздух.

«Поздно. На замке половина этажа. Денис тоже есть. Пот, дешёвое мыло, чернила. Ещё железом воняет так, будто его облизывали».

— А внутри?

«Снаружи я и без дверей великий сыщик. Внутри меня пока не научили нюхать сквозь сталь».

— Потерпи.

— Я вам не мешаю? — поинтересовался Бирюк.

— Он жалуется на условия труда.

— Передайте, что у государства они хуже.

Молодой сотрудник вскрыл пакет, не разрывая бирку, вытряхнул ключ себе на перчатку и вставил в замок. Дужка поднялась с сухим щелчком. Он снял её, положил рядом с пакетом и потянул дверцу за край.

Петли заскрипели так, словно шкафчик возражал против следствия.

Внутри висела форменная куртка. На верхней полке лежали две тетради, расчёска и полотняный мешок с крупой; внизу стояли старые кроссовки, один носком к двери, второй боком. У задней стенки приткнулась кружка с отколотой ручкой. Никакого белого конверта на виду не было.

У меня успело неприятно опустеть под рёбрами. Денис назвал шкафчик. Он мог назвать и пустое место, если надеялся выиграть время.

Фыр проскользнул между сапогами конвойного и замер у порога ячейки. Нос у него дрогнул. Он втянул воздух ещё раз, медленнее, отделяя запахи один от другого.

«Куртка — Денис. Кружка — Денис и кто-то с молоком. Кроссовки — Денис, лестница, столовая и очень плохое решение ходить по лужам».

— Ниже.

Фыр пригнул голову почти к полу. Белые полосы на морде упёрлись взглядом в серую нижнюю панель.

«А здесь другой. Не тот, кто держал парня за плечо. Холодное мыло, металл, сухая трава. Один раз, недолго. Но рядом столько чужих ног, что я не скажу, пришёл запах из тайника или заполз под дверь».

Чужое касание под полкой толкнуло Весы вверх. Следом они тут же качнулись обратно: в общий коридор выходил весь этаж, дверцы хлопали десятки раз в день, а запах фамильяра нельзя было положить перед судьёй вместо вещественного следа.

— Покажи место, — попросил я.

Фыр не коснулся панели. Повернул голову и ткнул носом в воздух у её переднего правого угла.

Я присел. Серую доску принимали за дно шкафчика, но настоящее дно находилось ниже. Между ними оставалась щель шириной с ноготь. На левом краю она почти исчезала, на правом чернела сильнее. Поперёк щели тянулась тонкая полоска светлой пыли, разорванная возле угла.

— Не поднимайте, — сказал я молодому сотруднику, когда тот потянулся к панели. — Сначала крупно правый край, потом всю щель. Свет сбоку.

Эксперт сняла камеру с треноги, поставила у пола малую лампу и направила луч вдоль металла. На экране проступили две разные отметины. Одна тянулась из глубины к дверце — широкая, расплывчатая, будто по пыли волокни мягкую бумагу. Вторая пересекала её сверху вниз у самого угла: узкая свежая царапина от твёрдого края панели.

— Здесь поднимали дно, — произнесла эксперт. Она указала пластиковым щупом на царапину, не касаясь металла. — А здесь что-то вытаскивали или задвигали через щель.

— Это два разных движения. Нам нужно знать, какое описал Денис до того, как мы открыли шкафчик.

Бирюк посмотрел на часы, но рацию не тронул. Я оценил это молчание. Он мог ускорить ответ одним вопросом и тем самым испортить весь опыт.

В коридоре слышались шаги. Дежурный в серой форме остановился за меловой отметкой, которую эксперт провела поперёк прохода ещё до нашего прихода. В руках он держал два пакета. Первый был плоским, бумажным, с подписями по шву. Во втором сквозь прозрачную стенку виднелись две тысячные купюры.

— Из группы опроса, — сообщил он. — Я при разговоре не присутствовал. Принял у двери после упаковки. Здесь дословное описание Леонтьева. Здесь деньги, которые он выдал добровольно.

Бирюк проверил пломбы и показал их камере. Бумажный пакет вскрыла эксперт. Внутри лежал один лист; она прочла вслух только часть, относившуюся к тайнику:

— «Увидел белый угол в щели под нижней полкой. Потянул конверт на себя за угол, раскрыл, вынул две купюры. Остальные засунул обратно тем же узким краем вперёд, пока белое не исчезло. Полку не поднимал, потому что не знал, что она поднимается».

Она положила лист под объектив, чтобы запись взяла текст и подписи.

— Если он толкал конверт через щель, широкая полоса объясняется, — сказал молодой сотрудник. — А свежая царапина от подъёма появилась отдельно.

— Либо Денис соврал про полку, — возразил Козин. — Поднял её сам, потом придумал щель.

— Поэтому проверяем не одну царапину. — Я наклонился ниже. — В щели есть внутренний бортик. Видите тень примерно в ладони от края? Бумагу можно задвинуть до него, дальше она упрётся. Если конверт лежит за бортиком, его положили сверху. Если перед ним — рассказ Дениса пока держится.

Эксперт снова поставила камеру на треногу и надела свежую пару перчаток. Пластиковый щуп вошёл под правый край панели. Та поднялась легко, но только после того, как металл перескочил через маленький фиксатор. Внутри открылось неглубокое пространство между ложным и настоящим дном.

Белый конверт лежал за бортиком, поперёк шкафчика, ровно по центру. Три сгиба совпадали один с другим почти до миллиметра. Узкий край, которым Денис, по его словам, толкал бумагу, был обращён не к щели, а к задней стенке.

Несколько секунд никто не говорил. Камера щёлкала с разных углов. Эксперт положила рядом масштабную линейку, сняла положение конверта относительно бортика, потом отдельно — фиксатор и свежую царапину.

— Через переднюю щель так не протолкнуть, — наконец сказала она. — Бортик выше толщины сложенной бумаги. Панель поднимали и конверт укладывали сверху. После того, как по щели уже волокли бумагу.

Весы качнулись вверх сильнее. Денис действительно вытащил конверт через щель и вернул остаток тем же путём. Позже кто-то поднял ложное дно и переложил его глубже. Но вместо имени мы получили ещё одну пустоту: чужой человек знал устройство шкафчика, действовал аккуратно и не оставил нам лица.

«Я говорил, что пахнет не мальчиком», — напомнил Фыр.

— Ты говорил, что не уверен, откуда пришёл запах.

«Я осторожный великий сыщик».

— Это называется иначе, но сегодня пусть будет так.

Бирюк приподнял бровь.

— Ваш эксперт пришёл к окончательному заключению?

— К промежуточному. Он требует пирог и повышения.

— Пирог ещё можно обсуждать.

Эксперт подняла конверт за дальний угол и уложила в прозрачную рамку. Только внутри рамки развернула бумагу двумя пластиковыми захватами. На внутреннем сгибе лежали три тысячные купюры.

— Три, — произнесла она для записи. — Видимые загрязнения отсутствуют. Края не касаются поверхности.

Две купюры Дениса оставались в отдельном пакете. Я посмотрел на оба комплекта. Пять тысяч могли быть приманкой, платой или случайной пачкой. Без общей выдачи три чистых листа не подтверждали признание Дениса; они просто лежали там, где он указал.

— Сверьте номера не на глаз, — сказал я. — Нужна сама выдача. Если пять купюр прошли через один банкомат одной операцией, реестр должен удерживать последовательность, даже если кассета перемешала листы.

— Доступ к банковской отметке требует основания, — начал молодой сотрудник.

— Основание лежит в двух пакетах по делу об убийстве, — оборвал его Бирюк. — Запрос оформлен ещё после первого признания. Эксперт, можете принять ответ на защищённый планшет?

— Могу. Но сначала сниму номера камерой, чтобы никто не переписал удобную цифру вручную.

Она закрепила над столом сканирующую рамку. Купюры по одной прошли под объективом, не покидая прозрачных держателей. На экране появились пять серийных номеров. Четыре шли почти подряд, пятый отстоял на несколько позиций.

— Близкие номера сами по себе ничего не доказывают, — заметил я. — Пачку могли разделить раньше.

— Наконец-то вы не спорите с моей будущей формулировкой, — Бирюк приложил служебный жетон к краю планшета и ввёл код. — Отправляйте.

Эксперт подтвердила запрос. Экран на несколько секунд потемнел, затем под каждым номером появилась одна и та же строка: отделение, номер выдающего устройства и единая банковская операция. Время совпало до минуты.

— Одна выдача, — сказала она. — Все пять купюр прошли в одном комплекте.

— Денис не придумал сумму после того, как увидел у вас две тысячи, — подвёл я первый итог. — Он знал про все пять до вскрытия шкафчика. Две оказались у него, три — там, куда он указал.

— Или тот, кто его подставил, заранее велел назвать именно пять, — напомнил Козин.

— Поэтому деньги подтверждают часть рассказа, а не невиновность целиком.

Оставались руки. Эксперт убрала планшет и достала чёрную кассету, похожую на неглубокий футляр для очков. Внутри находились пять отдельных ячеек и маленький нагревательный элемент.

— Порошком банкноты портить не буду, — предупредила она. — Бумага пористая. Сначала мягкое проявление парами в закрытой камере. Если след слабый, окончательный ответ даст лаборатория.

Она поместила каждый прозрачный держатель в отдельную ячейку, не вынимая купюры, закрыла крышку и активировала нагрев. По внутренней стенке поползло едва заметное сиреневое облако. Пришлось ждать. Коридор снова наполнился обычными звуками общежития: наверху хлопнула дверь, по трубам прошёл глухой удар, из-за решётки донёсся смех и немедленно стих после окрика конвойного.

Фыр сел на мой сапог.

«Долго».

— Следы не обязаны появляться ради твоего расписания.

«Пирог появляется быстрее».

— Ты не видел, как его пекут.

«Поэтому уважаю готовый результат».

Бирюк отвернулся, но плечо у него дрогнуло. Эксперт заметила движение и решила, что он кашлянул.

В крышке кассеты загорелся зелёный огонёк. Она выключила нагрев и по очереди перенесла держатели под синий свет рамки. На первой купюре из пакета Дениса проступили две неполные линии у края и ясный рисунок большого пальца ближе к середине. На второй след оказался смазанным, зато боковой отпечаток сохранил достаточно развилок для сравнения.

Эксперт открыла на планшете контрольную карточку, снятую у Дениса при выдаче денег, и совместила ключевые точки.

— Обе держал Леонтьев. Предварительное совпадение уверенное, в заключение уйдёт после лабораторной проверки.

Три купюры из конверта одна за другой прошли под синим светом. На первой проявилось мутное пятно без линий. На второй — короткая дуга у самого угла, слишком малая для сравнения. Третья не дала ничего.

— Пригодных отпечатков на трёх пока нет, — произнесла эксперт. — «Чистые» в полевом протоколе означает только это. Не «к ним никто не прикасался».

— Перчатки, края, старый след, — перечислил Козин.

— Или след проявится другим составом в лаборатории, — добавила она. — Здесь я обещаю лишь то, что вижу.

Пять купюр пришли из одной выдачи, а Денис оставил пальцы только на тех двух, которые признался забрать. Его рассказ выдержал проверку деньгами. Но три оставшиеся купюры молчали, и человек, поднявший ложное дно, по-прежнему не имел ни имени, ни лица.

Я выпрямился. Колени затекли после долгого сидения у шкафчика, в плечах снова отозвалась усталость, но тяжесть между лопаток ослабла.

— Тогда вывод такой. Денис знал про пять тысяч и взял две. Это подтверждают единая выдача и его следы на двух купюрах. Остаток он затолкнул через переднюю щель — на металле есть полоса, а описание запечатали до вскрытия. После него кто-то поднял панель и переложил конверт за бортик. Фыр направил нас к месту, но в доказательства идёт не его нос, а положение бумаги, пыль и царапина. Кто трогал три тысячи после Дениса, мы пока не знаем.

Бирюк дождался, пока камера запишет формулировку целиком, и только тогда открыл портфель.

— Добавлю юридическую часть. Леонтьев остаётся свидетелем и участником незаконного перемещения Ключа. За две тысячи и всё, что он сделал с футляром, ответит отдельно. Оснований держать его за убийство эта проверка не дала.

Эксперт запечатала пять купюр в общий контейнер, не смешивая внутренние пакеты, вложила снимки и протокол полевого проявления. Молодой сотрудник поставил на шкафчик новый казённый замок. Бирка легла поперёк дверцы так, чтобы открыть её незаметно уже не получилось.

Я посмотрел на серый металл. Утром Дениса едва не сделали удобным убийцей из-за футляра в руке. Теперь он оставался испуганным первокурсником, совершившим несколько очень глупых поступков, но хотя бы не тем человеком, которого можно было раздавить первым обвинением.

— Спасибо.

— Не благодарите человека за то, что он не поленился сделать свою работу. Лучше откройте когда-нибудь своё бюро и начните платить налоги. У меня трое детей, государственное жалованье на них действует как удобрение.

Фыр обошёл прапорщика сзади и уткнулся носом в нижний угол портфеля.

«Сладкое».

Бирюк немедленно прижал портфель к ноге.

— Фамильяр интересуется, не перевозите ли вы там запрещённые кондитерские изделия.

— Это детям.

Фыр шумно втянул воздух ещё раз.

«Лжёт. Детям два. Третий съест сам в машине и никому не скажет».

— Он снимает обвинение, — сообщил я. — Частично. Две трети портфеля принадлежат детям.

Бирюк открыл дверь и пропустил нас вперёд.

— Уберите вашего эксперта, барон, пока он не начал обыскивать должностное лицо без понятий.

Глава 8

Труп Аркадия уже увезли, но влажные следы носилок ещё блестели на камне. Большую часть выпускников отпустили после опросов, зал закрыли, и жёлтая лента пересекала двойные двери под дежурными лампами. В опустевшем коридоре любой звук разносился дальше прежнего. Я обошёл дорожки от колёс по сухому краю; Фыр прошёл прямо по следу, остановился, фыркнул на запах антисептика и отряхнул лапы на сапог Бирюка.

У окна в конце коридора ждал магистр Тропинин. Подоконник он превратил в маленькую чайную: дорожный чайник, термос, две белые фарфоровые пиалы и жестяная коробка с тёмными листьями. Вокруг следователи переносили ящики, охранники отвечали на рации, а ректор за поворотом требовал вернуть ему доступ к отключённым камерам. Тропинин вымерял воду так спокойно, словно Академия могла гореть до фундамента, но хороший чай всё равно не следовало обижать кипятком.

— Прапорщик, — позвал он, не повышая голоса.

Бирюк остановился и повернул к нему уставшее лицо.

— Магистр.

— Барон может выпить со мной чай или совместное употребление да хун пао уже считается сговором?

— Если листья не вынесены из архива, пейте. Обсуждать увиденное можно, согласовывать показания нельзя. Вы представляли комиссию, он проходил испытание — границу оба знаете.

Тропинин снял крышку с чайника, вдохнул пар и только потом посмотрел на Бирюка.

— Я прожил достаточно долго, чтобы различать границы и замечать, когда они стоят поперёк дороги.

— Поэтому я вас и предупреждаю. — Прапорщик перевёл взгляд на меня. — В общении быть до полуночи. Проверю сам.

Он ушёл, прижимая портфель к боку всякий раз, когда Фыр ускорял шаг.

Тропинин дождался, пока скрип его сапог растворится в лестничном пролёте, затем тонкой струёй пролил листья и протянул мне пустую пиалу.

— Да хун пао из южных губерний. Большинство заливает его кипятком, получает горечь и обвиняет чай. Люди охотно портят вещи, когда потом можно возмутиться их природой.

— Это метафора сегодняшнего следствия?

— Это чай, барон. Метафоры температуру не держат. Возьмите и подождите.

Фарфор лёг в обе ладони тёплым кругом. Пальцы всё ещё плохо слушались после вызова, а печать под манжетой ныла тупым морозом. Я повернул запястье, пытаюсь устроить руку удобнее. Тропинин заметил.

— Отдача сильнее обычной?

— Как после родового ворона, только втрое. Озноб, судорога в пальцах, слабость. Память осталась на месте.

— И фамилляр с первого вызова отвечает связной речью?

— Слишком связной, если спрашивать меня.

Магистр впервые всерьёз присмотрелся к Фыру. Барсук сидел возле моего сапога и с большим достоинством вылизывал усы, на которых застрял запах украденной у конвойного колбасы.

— Я слышу фыркание, — сказал Тропинин. — Что он думает обо мне?

Фыр вытянул морду к пару.

«Дым. Горькие листья. Старое дерево. И одиночество».

Последнее слово было слишком личным, чтобы выдавать его человеку как номер на экзамене. Я сделал первый глоток и выиграл себе секунду. Горечь легла на язык, затем отступила, оставив древесный дым и тёплую сладость. На пустой желудок чай почти сошёл за еду.

— Он считает, что вы портите хороший напиток разговорами об испытании.

Тропинин улыбнулся краем губ.

— Значит, разумен и невоспитан. Для первого родового зверя прекрасное начало.

«Он мне нравится. Но пирог важнее».

— Взаимно, — ответил я барсуку и протянул пиалу за второй порцией.

Тропинин долил чай. В стекле за его плечом медленно синел двор, и дежурные фонари один за другим загорались вдоль дорожки.

— Вы верите, что я не убивал Аркадия? — спросил я.

Он повернул носик чайника от края подоконника и прикрыл жестяную коробку, прежде чем ответить.

— Я верю поступкам, которые наблюдал восемь месяцев. Когда вам не хватало денег на парадную форму, вы пришли просить разрешения сдавать в перешитом сюртуке. Княжич Оболенский предлагал оплатить сапоги, а вы отказались так грубо, что он неделю разговаривал с вами одними цитатами из Уложения. Человек, решивший убить кредитора, сперва попытался бы занять у богатого друга. Это дешевле и обычно не требует прятать тело.

— Вы недооцениваете мою последовательность.

— Я недооцениваю убийц, способных восемь месяцев строить алиби из бедности, тесных сапог и гордости. — Он отпил чай и добавил уже серьёзнее: — Вы раскрыли подставу Леонтьева до того, как узнали о теле. Если бы Денис был вашим прикрытием, вы позволили бы ему остаться вором хотя бы до конца испытания.

Тропинин не дарил доверие и не просил принять его на веру. Он выводил его из поступков, как версию из следов. Поэтому оно весило больше.

— Смольцева тоже это понимает.

— Феодосия Игнатьевна понимает очень многое. Это её главное достоинство и временами беда всех, кто оказывается рядом.

— Вы осторожно ругаете начальство.

— В шестьдесят восемь можно позволить себе точность вместо храбрости. Вы пока предпочитаете обратное, хотя ваши сапоги уже высказались против.

Он кивнул на мою походку, затем налил себе ещё половину пиалы.

— Ожоги на пальцах Аркадия, — вернул я разговор к телу. — Вы назвали его менталистом. Для его специализации такая травма обычна?

— Для менталиста — нет. Для призывателя — да, если канал рвут под внешним давлением. Аркадий изучал менталистику, однако ходил на факультатив по призыву. Зимой я видел у него сорванный вызов: пальцы свело, кожа покраснела, выступили пузыри, он не мог разжать ладонь от боли. Сегодня ожоги почернели, кисть раскрыта, а вокруг тела отсутствовал след свежего тепла. Значит, повреждения могли появиться до смерти, после неё, при переносе или намеренно. Пока это четыре возможности, а не ответ.

— Чужое вмешательство в сознание способно оборвать канал?

— Способно. Как испуг, удар, обморок и ещё десяток причин, для которых не нужен сильный менталист. Не покупайте первую красивую версию, барон. Декан Смольцева преподаёт дознание именно так: заставляет ученика влюбиться в догадку, а потом разбивает её одним фактом.

«Она убила его», — уверенно сказал Фыр.

Я задержал пиалу у губ и посмотрел в тёмную поверхность чая.

«Ты чувствуешь её след на теле?»

Барсук переступил передними лапами, устраиваясь на холодном камне.

«Я чувую холод одного сорта. Он был на ней, на записке и возле мёртвого. Но здесь прошло много людей. Запахи хватаются друг за друга и едут на чужой одежде. Может, она касалась всего по работе. Может, врёт о другом».

Даже Фыр, вынесший приговор мгновение назад, сумел отступить перед собственным носом. Мне оставалось хотя бы не уступить барсуку в осторожности.

— Есть основание искать ментальное воздействие? — спросил Тропинин, проследив за моей паузой.

— Есть основание не принимать ожоги за причину смерти только потому, что они громче остальных следов. Тело слишком старательно рассказывает одну историю.

— Хороший ответ.

Он произнёс это без похвалы, как отмечают правильно выбранный инструмент, и убрал чайные листья обратно в жестянку.

— Бирюк честный человек. Его беда в том, что процедура движется медленнее того, кто прячет след. Утром Смольцева соберёт внутреннюю комиссию, ректор попытается закрыть Академию от скандала, родители Аркадия пришлют адвокатов. К завтра ваше положение станет хуже, даже если ни одной новой улики не появится.

— Вы предлагаете помощь.

— Я предлагаю кураторство над практической работой. Академическая традиция позволяет магистру вести выпускника через действующее дело, если оно стало частью оценки профессиональной пригодности. Решение по лицензии приостановлено, однако под мою ответственность вы сможете собирать открытые сведения и передавать их Бирюку.

— Это формальная половина. Что во второй?

Тропинин согрел ладони о пиалу и посмотрел на закрытое архивное крыло.

— Во второй вы всё равно полезете туда, куда вам запретили. Я предпочитаю знать хотя бы причину, прежде чем меня вызовут объяснять последствия.

— Мне нужен архивный коридор.

Магистр поднял пиалу к лицу, не изменившись ни на волос.

— Я не слышал вопроса.

— Тело принесли с северной стороны ширмы. За ней выход к архиву. Если вызов сорвали на настоящем месте смерти, там мог остаться след, которого не было возле тела. Нужны журнал доступа, зарядный контроллер и физический осмотр закутка.

— Декан запретила вам вход.

— Бирюк тоже.

— Тогда два запрета, несомненно, делают дверь вдвое толще.

— Проверю руками.

Тропинин закрыл глаза, вдохнул аромат чая и выдержал паузу, пока внизу хлопала входная дверь.

— Я останусь в кабинете кафедры до полуночи. Завтра в восемь попрошу у ректора официальное кураторство. Если к тому времени вы окажетесь под арестом за нарушение режима, просьба утратит смысл.

— Вы советуете не идти?

— Я советую не попадаться. Это разные советы. Второго я вам, разумеется, не давал.

В его голосе оставалось достаточно сухости, чтобы назвать разговор случайным, но собственное имя он уже положил рядом с моим риском. Если я сорвусь, объясняться придётся и ему. Тропинин принимал это сознательно; превращать доверие старого магистра в бесплатный пропуск я не собирался.

— Зачем вам это? — Я поставил пиалу на подоконник. — Аркадий был вашим учеником, я пока подозреваемый. Проще отойти и дожидаться Инспекции.

Тропинин повернулся к окну. В тёмном стекле отразились его лицо, белые пиалы и пустой коридор за спиной. На дорожке внизу охранник сматывал ограждающий шнур; багровый свет мигалки проходил по стене и возвращался каждые несколько секунд.

— Моя жена умерла семь лет назад, — сказал магистр, глядя во двор. — Врач два дня держался первой версии и лечил сердце. Причиной оказался тромб. Он был добросовестен, бумаги заполнил безупречно и извинялся искренне. От этого она не прожила ни одного лишнего часа. С тех пор я плохо переношу удобные объяснения, особенно когда они начинают нравиться людям раньше проверки.

Он замолчал, пока красный отсвет снова не прошёл по его щеке, и лишь потом повернулся ко мне.

— Аркадий был неприятным молодым человеком. Давал деньги в долг, собирал чужие тайны, любил замечать момент, когда знает о собеседнике больше, чем тот о нём. Вчера он спорил со мной о зачёте и доказывал, что я занизил ему балл из личной неприязни. Сегодня его увезли под серой тканью. Каким бы он ни был, он заслужил настоящую причину смерти, а не ту, с которой всем проще разойтись по домам.

У меня не нашлось профессионального ответа, который не испортил бы сказанное. Я кивнул и всё-таки произнёс привычное:

— Зафиксировал.

Тропинин поморщился сильнее, чем от слишком крепкого чая.

— Вот это ваше слово я терпеть не могу.

— За что?

— Вы прячете им чувства в протокол. Сказал «зафиксировал» — и можно не признавать, что человека услышал.

Реплика вошла под рёбра точнее, чем мне хотелось показать. Я отвёл пиалу от края, чтобы случайно не столкнуть её, и посмотрел на старика.

— Зафиксировал, что вы терпеть его не можете.

Тропинин выдержал секунду, затем тихо рассмеялся. Морщины у глаз сдвинулись, и впервые за вечер его лицо стало моложе.

— Идите в общежитие, барон. Переоденьтесь хотя бы. В этих сапогах вы убийство не раскроете, зато пальцы себе ампутируете без всякого менталиста.

— Размер побольше стоил на четыреста рублей дороже.

— Возьмите мои старые.

— Ваши на три размера больше. В них я войду в архив раньше обуви.

— Зато обе ноги останутся при вас.

— Подумаю после лицензии.

«Спроси про пироги», — напомнил Фыр и положил лапу мне на носок.

— И ещё один вопрос, магистр. После отменённого приёма на кухне осталась еда?

Тропинин медленно перевёл взгляд на барсука. Фыр сел ровнее, изображая существо, которому совершенно безразличен ответ.

— Мясные пироги. Кухню уже закрыли.

Фыр вскочил на все четыре лапы.

«Архив подождёт. Появилась улика важнее».

— Он благодарит вас за содействие следствию.

— Этого я и боялся, когда увидел разум в его глазах.

До общежития Фыр трижды пытался свернуть к столовой. В первый раз он сделал вид, что взял след. Во второй спрятался за ногами двух поварих и прошёл с ними половину лестницы. В третий остановился перед запертой кухонной дверью и долго смотрел на меня с таким достоинством, будто предал его не я, а весь институт человеческих обещаний. Мне пришлось подхватить барсука под живот и перенести через двор; он оказался тяжелее, чем выглядел, и всю дорогу сообщал, что великих родовых зверей так не носят.

Парадный сюртук тянул плечи, воротник натёр шею, каждый шаг в тесных сапогах отдавался под ногтями тупой болью. После душного коридора двор встретил нас летней пылью и запахом мокрой травы: недавно прошли поливальные форсунки, на каменных дорожках ещё блестели тёмные дуги. За чугунной оградой гудел вечерний город. Автобус взвыл на остановке, машины спорили гудками, в чьём-то телефоне звякнул курьерский заказ. Академия с убитым студентом занимала для Москвы один квартал; остальной город продолжал покупать еду, опаздывать домой и раздражаться в пробке. После смерти эта исправная обычность всегда казалась мне неприличной.

Телефон вернули вместе со всеми пропущенными тревогами. Девять сообщений ждали в общем чате курса: однокурсники уже успели назначить двух убийц, оправдать троих и решить, что камеры отключил ректор ради любовницы. Пять написал Ярослав — от короткого «Ответь» до «Если не ответишь, я всё-таки звоню отцу». Два пришли от банка, одно от магазина формы. Прохор Силыч прислал три: «Как прошло испытание, как изволите-с?»; «В новостях пишут про происшествие»; «Лев Тихонович, ответьте».

Я позвонил ему первым, ещё не доходя до общежития.

— Жив, — сказал вместо приветствия.

На другом конце трубки шумно выдохнули. Потом что-то стукнуло о дерево — должно быть, Прохор Силыч сел мимо приготовленного стула или уронил чашку.

— Слава всевышним, как изволите-с. В ленте пишут убийство, Академию оцепили, вашу фамилию какой-то канал уже назвал. Я думал... после того раза я, признаться, всякое думаю.

В памяти дёрнулась балка, прижавшая грудь. Мокрая сажа забила рот, сквозь дыру в стене тянул рассветный холод. Я сжал телефон крепче и не позволил разрушенной комнате развернуться целиком. Прохору сейчас требовался мой голос, а не чужой пожар восьмимесячной давности.

— Меня задержали как свидетеля и отпустили с ограничением. Лицензию пока не выдали.

Тишина в трубке стала плотнее. Я слышал, как старик медленно проводит ладонью по столу, собираясь сказать то, чего сам боялся.

— Банк сегодня звонил. Предлагали продать усадьбу до срока, по согласию, как изволите-с. Я отказал, как вы велели. Но ежели лицензии не будет...

— Будет. Бумаги по усадьбе никому не отдавать, доверенности не подписывать. Если приедут сами, запиши фамилии, время и номер машины. Не спорь с ними и ничего не обещай, даже если предложат ещё неделю.

— Как изволите-с. — Он помолчал, и голос вернулся к домашней, почти сердитой заботе. — А вы покупали?

Так спрашивают матери и старые слуги, когда убийство, банк и пожар уже требуют чужой силы, а еда всё ещё остаётся в их власти.

— Сейчас поем.

Фыр, шедший рядом, поднял голову.

«Врёт».

— У меня появился свидетель, — сказал я в трубку. — Он проследит.

— Это хорошо, как изволите-с. Свидетели полезны. Вы ему скажите, чтобы строго проследил.

«Старик разумный».

Я завершил звонок и написал Ярославу: «Жив. Отцу не звони. Утром дашь показания Бирюку». Ответ пришёл прежде, чем мы поднялись на крыльцо: «Ты осёл». Следом всплыло второе сообщение: «Барсук хотя бы нормальный?»

Фыр прочёл слова через моё внимание и возмущённо засопел.

«Скажи князю, что я велик. Нормальными бывают собаки».

Я отправил: «Барсук считает себя великим. Значит, нормальный». Ярослав ответил изображением короны, надетой на картофелину.

Комната встретила нас нагретой пылью, старым деревом и слабым запахом дешёвого мыла. Узкая кровать стояла вдоль стены, письменный стол с треснувшей столешницей — у окна; ещё помещались шкаф, единственный стул и полка учебников, выгнувшаяся под их весом. За восемь месяцев я не сделал это место домом, зато научился в темноте находить каждую вещь. На спинке стула висели тёмные брюки и рубашка, в которых я гулял после отбоя. Сегодня они становились одеждой для дела.

Я сел на край кровати и стянул первый сапог. Освобождённая ступня загорелась ещё сильнее, большой палец распух и налился красным. Второй сапог пришлось снимать обеими руками, упираясь пяткой в ножку стола. Фыр подошёл, обнюхал палец и отшатнулся с искренним неодобрением.

«Ты ранен обувью».

— Старинное оружие обедневших родов. Убивает медленно, зато соответствует форме. Барсук снова сунул нос к ступне.

«Съесть?»

— Сапоги? Разрешу после взыскания усадьбы.

«Палец. Тогда перестанет болеть».

— Напомни никогда не назначать тебя семейным лекарем.

Фыр обиделся и запрыгнул на кровать. Старый матрас проглотил передние лапы почти до груди; зверь вырвался, отряхнулся и начал обход владений. Нос заглянул в кружку, под шкаф и в рукав запасной рубашки. Когти прошлись по корешкам учебников. Возле окна Фыр остановился перед маленькой фотографией семьи Льва, которую я держал повернутой к стене.

«Почему прячешь?»

Я расстегнул ворот и замер с пуговицей между пальцами.

— Потому что они смотрят.

Фыр приблизил морду к деревянной задней стенке рамки.

«Они бумажные».

— Изображение — да. Память — нет.

Он толкнул рамку носом. Та качнулась, но осталась лицом к стене. Фыр мог перевернуть её одним движением и впервые за вечер не стал спорить, требовать объяснений или назначать цену. Просто обошёл фотографию и оставил её там, где я поставил.

Я сменил парадную форму на тёмные брюки, мягкие ботинки и рубашку. Сюртук повесил в шкаф, разгладив залом на рукаве. Заверенную копию протокола с фотографией расписки Аркадия нашёл в синей папке под конспектами по дознанию и положил отдельно для Бирюка. Сквозь плёнку на снимке читались сумма, срок погашения и подпись. Внизу рукой Аркадия стояло: «Претензий не имею». Две недели назад он мог подтвердить эти слова голосом. Теперь за него говорили только чернила, а мёртвые свидетели всегда звучат так, как удобно тому, кто держит лист.

На пирог денег хватало. На дорогу домой — уже нет.

Я разложил на столе всё своё богатство: три сторублёвые купюры, одну пятидесятирублёвую, две десятки и мелочь, которая звякнула о треснувшую столешницу особенно бодро, словно не понимала положения. До конца недели оставалось четыре дня. Столовая закрывалась через двадцать минут, мясной пирог стоил сто сорок рублей, а Фыр считал, что один пирог — издевательство над устройством мира. Если купить два, в ящике останется сотня. Даже на автобус до усадьбы не хватит, если Бирюк утром снимет ограничение и разрешит уехать.

Фыр сидел возле ножки стола и следил за каждым движением моих пальцев. Нос подрагивал. Взгляд у барсука был такой, будто сейчас решалось не меню, а верность последнего Вязьмина присяге.

Я собрал деньги в ладонь и вернул их в ящик.

— Сегодня без пирога. Можешь считать это первым семейным кризисом.

Фыр повернулся всем телом. Передние лапы переступили разом, когти царапнули половицу.

«Ты обещал».

— Я сообщил, что в Академии существуют мясные пироги. До обещания там не хватало конкретного глагола.

«У людей даже еда умеет врать словами».

Возразить я не успел. В дверь ударили трижды, торопливо и неровно. После короткой паузы кулак застучал сплошной дробью, а из коридора донеслось:

— Лев! Открой, это я! Лев!

Глава 9

Тимофей Хорьков. За восемь месяцев сосед успел приходить ко мне с десятком состояний: с довольной улыбкой продавца нелегальных переходников, с виноватой банкой соли, которую занимал одну, а возвращал другую, с сапогами в руках, когда прятался от коменданта после отбоя. Такого голоса у него ещё не было. Я отодвинул задвижку, придерживая дверь ногой.

Хорь ввалился в комнату прежде, чем створка раскрылась наполовину. Рубашка была застёгнута на соседние петли, прилипшие ко лбу волосы блестели от пота, а над верхней губой лежала белая полоска пересохшей кожи. Он захлопнул дверь спиной, сам задвинул задвижку и прижал ухо к дереву.

— За мной никого не было? Ты посмотри, Лев. Только не открывай широко.

— Если за тобой шли, ты уже привёл человека к моей двери и любезно постучал вместо него. Кто тебя гонит?

Хорь отлепился от створки, но отойти дальше шага не решился.

— Кущин. Пантелей Кущин, третий курс. Здоровенный, родинка над бровью, читает два учебника в год и поэтому считает себя интеллигентом. Он меня видел.

— Где и за чем?

— Вчера у старой лестницы. Я передавал второкурснику глушилку для пропускного датчика. Простая штука, на семь секунд сбивает сигнал, чтобы после отбоя вернуться. Ничего серьёзного, я её даже не делал, только достал через...

Я поднял ладонь.

— Хорь. Если ты сейчас начнёшь объяснять мне родословную каждой детали, Кущин успеет состариться, пока мы доберёмся до требования.

— Требуется пятьсот рублей до утреннего построения, — выпалил он и наконец отступил от двери. — Иначе идёт прямо к Смольцевой. После сегодняшнего она меня не просто отчислит. Она из меня папку сошьёт, корешок подпишет и поставит на полку как наглядное пособие.

Единственный стул качнулся под ним, когда Хорь сел. Он вцепился в колени обеими руками и стиснул так, что костяшки побелели. Смешной торговец серой электроникой, который мог всучить первокурснику сломанный адаптер, а через день продать ему же починку, остался за дверью. Передо мной сидел двадцатилетний простолюдин. Для него диплом был не красивой бумагой в рамке, а единственной дверью в профессию; за отчислением ждали долги, родительский дом и соседи, которые будут годами спрашивать у матери, почему умного мальчика не доучили.

— Почему пятьсот? — Я придвинулся к столу, чтобы видеть его лицо под лампой. — Кушин назвал сумму сразу или торговался?

— Сразу. Я спросил, может, триста. Он даже не обиделся, только сказал: пятьсот и ни рублём меньше. Потом посмотрел на часы. Дважды. Лев, мне откуда знать, почему именно столько?

Фыр обошёл стул сзади и шумно втянул воздух у штанины. Хорь дёрнулся, но удержался на месте.

«Он боится, — сообщил барсук. — Только не тебя и не женщины, которая шьёт людей в папки. Утром должно случиться что-то другое».

Хорь вскочил так резко, что стул отлетел к кровати.

— Он меня нюхает? Прямо сейчас?

— Составляет мнение. У него трудный характер и свободный доступ к чужим запахам.

— И что он там составил?

Фыр ещё раз обнюхал воздух, поднял морду и посмотрел на меня с удовольствием существа, которому наконец дали работу по призванию.

«Дешёвая медь. Клей. Чеснок. И страх человека, который надеялся, что чеснок никто не заметит».

— Профессиональная тайна, — сказал я.

Хорь перевёл взгляд с меня на барсука и обратно. Страх на секунду уступил обычному любопытству.

— Он правда тебя понимает? Не просто идёт за рукой, как дрессированный?

— Понимает. Иногда даже больше, чем хотелось бы нам обоим.

Хорь медленно потёр переносицу, прикидывая новую возможность, и ожил ещё на полтона.

— А Кушина он может укусить? Не сильно. Так, чтобы тот понял серьёзность разговора. «Мне нравится этот человек».

— Нет. Фамильяр не средство взыскания долгов.

— Жалко, — Хорь поднял стул, поставил его ближе к столу и сел уже ровнее. — Очень наглядно получилось бы.

— Где сейчас Кушин и до какого времени ждёт?

— В общежитии, наверное. Сказал, чтобы деньги были у него к шести утра. Лев, у меня их нет. Если Смольцева узнает про глушилку, она решит, что я ещё и камеры на экзамене отключил. А я продал её вчера, честное слово. К сегодняшнему делу она отношения не имеет. Покупателю надо было сходить к девчонке после отбоя и вернуться, пока дежурная не подняла этаж.

Слова встали рядом с дневными фактами и сразу испортили картину для нас обоих. Глушилка могла на несколько секунд ослепить пропускной датчик, но камеры экзамена отключили централизованно, а Ключ подчинялся человеку с административным доступом. В одном Хорь оказался прав: Смольцевой не понадобилось бы разбирать разницу. Ей уже предлагали удобную цепочку — контрабандист выключил охрану, Денис украл жетон, Вязьмин убил. Три бедных студента из одного коридора закрывали все пустые места, и ни один вопрос не поднимался выше этажа.

Я взял карандаш, но не бумагу: записывать имена рядом с копией протокола пока не стоило.

— Кто купил глушилку?

— Лёшка Погодин, второй курс, стихийники. Только я поклялся его не сдавать. У него с той девчонкой и так отец... в общем, сложная история.

— Пока не сдавай. Устройство осталось у него?

— Да. Он утром обещал вернуть, если не спалит.

— Тогда предмет можно показать, а время продажи подтвердить. Кушин мог бы прижать тебя когда угодно, но выбрал ночь и назвал неподвижную сумму. Ему нужны не просто деньги за молчание. Ему к утру нужны именно пятьсот рублей.

Хорь перестал тереть колени и поднял голову.

— Ты поможешь?

Настенные часы показывали двадцать три десять. Бирюк велел мне оставаться в общежитии и к полуночи точно быть здесь. Архивное крыло находилось в семи минутах быстрого шага. Охрана проходила северным коридором в половине двенадцатого и повторяла круг в полночь. К Кушину можно было подняться после, если он не ляжет спать поверх своего вымогательства.

— Помогу. Но это не благотворительность. Ты расскажешь всё, что слышал о долгах Аркадия и его семьи, а потом будешь должен мне одну услугу без нарушения закона.

— Без нарушения какого именно закона? — Хорь прищурился, и на секунду в нём снова показался торговец.

— Именно поэтому формулировать услугу буду я.

Он подумал, вытер ладони о брюки и протянул руку. Я пожал её. Пальцы были холодными и липкими.

— Согласен. Что теперь?

— Сидишь здесь, никому не открываешь, Кушину не отвечаешь и не пытаешься занять деньги у половины курса. Если спросят обо мне, я в душевой.

Хорь посмотрел на мою сухую рубашку, потом на телефон и фонарик, которые я убирал во внутренние карманы.

— А сам ты куда? В душевую с конвертом?

Я взял со стола пустой бумажный конверт, проверил батарею маленького фонаря и затянул шнурки мягких ботинок. Копия протокола на секунду прилипла к пальцам вместе с соседним листом. Я отделил её и оставил на столе: в архивном крыле ей делать было нечего, а потерять зафиксированное содержание расписки по дороге значило бы собственноручно помочь обвинению.

— Проверю одну дверь, которую два умных человека запретили мне открывать.

Хорь проводил взглядом фонарик.

— Лев, после убийства нормальные люди ложатся спать. Они хотя бы делают вид, что верят охране.

— А утром просыпаются всё ещё подозреваемыми. Мне такой отдых не подходит.

Фыр уже стоял возле порога. Передняя лапа лежала на носке моего ботинка, чтобы я не вышел без него.

«А пирог?»

— Если не попадёмся, куплю. Один тебе, один мне.

Барсук отнял лапу и удовлетворённо мотнул головой.

«Вот теперь есть глагол».

Хорь остался у запертой двери, а мы прошли по коридору к общей душевой. После отбоя там горела одна лампа над раковинами; вода из плохо закрытого крана падала в эмалированный поддон с размеренным звоном. Форточка над дальней кабиной годами не закрывалась: разбух-

шая древесина держала раму на два пальца выше паза, и комендант привык считать холодный сквозняк меньшей бедой, чем ремонт.

Пожарная лестница проходила прямо под окном моей комнаты, но датчик на раме сразу записал бы открытие. Я поднялся на мокрый подоконник душевой, придерживался за трубу и перешагнул на железную площадку третьего этажа. Под подошвой звякнула решётка. Во дворе светились два фонаря, мокрая после полива трава темнела между дорожками, а на противоположной стене общежития одно за другим гасли окна.

Фыр высунул голову, посмотрел вниз и тут же убрал её обратно.

«Барсуки по лестницам не лазают».

— Барсуки не разговаривают. Сегодня у природы вечер исключений.

«Этот разговаривает. Значит, вправе выбирать исключения сам».

Я спустился на один пролёт, упёрся ботинками в края ступени и вытянул руки. Фыр сначала проверил носом раму, потом моё плечо, после чего лёг животом поперёк подоконника. Передние лапы свесились наружу, задние ещё цеплялись за дерево.

— Давай. Я держу.

Он отпустил раму разом. В меня ударил тяжёлый, тёплый мешок с когтями. Я поймал барсука под грудью, качнулся и приложился лопаткой к холодной перекладине.

— Тише ты.

«Ты плохо ловишь».

— Ты вешишь как мешок цемента.

Фыр вытянул шею, принялся к незнакомому слову и осудил его.

«Не знаю этого зверя. Но он явно жирный».

Пришлось спускаться, прижимая его к груди. На следующем пролёте Фыр решил, что достоинство уже достаточно пострадало, вскарабкался мне на спину и обхватил плечи передними лапами. Когти прокололи рубашку ещё в двух местах. Если бы кто-нибудь сейчас выглянул во двор, он увидел бы последнего барона Вязьмина, крадущегося по пожарной лестнице с фамильным зверем вместо ранца. Родовые легенды обычно подробно описывали битвы и слишком мало — путь к ним.

На земле я разжал руки. Фыр спрыгнул, встряхнулся от носа до хвоста и сразу повернул к окнам столовой. Даже закрытые двери не мешали запаху вчерашнего теста, печёного мяса и лука жить во дворе.

— Архив в другую сторону.

«Пироги тоже улика. Они исчезают».

— Пироги остывают. След тоже. Сначала тот, который может убить человека.

Фыр ещё раз втянул мучительный воздух столовой и нехотя свернул за мной. Мы обогнули общежитие по служебной дорожке. Поливальная машина оставила на асфальте длинную мокрую полосу; от земли тянуло травой и горячей пылью. Дверь ночных уборщиков в учебном корпусе не запирали до полуночи. Пропуск Льва действовал в общих зонах, поэтому турникет без колебаний прочитал телефон, мигнул зелёным и записал мой вход.

Присутствие в корпусе я не скрывал. Только маршрут внутри. Если дело дойдёт до проверки, цифровой след честно подтвердит, что барон Вязьмин вошёл законно, огляделся и дальше совершил дурной выбор собственными ногами.

Ночью коридоры Академии становились длиннее. Днём толпа съедала высоту потолков, голоса занимали пустоты, двери хлопали каждую минуту. Теперь вентиляция гудела под сводами одна, каждый шаг отделялся от следующего, а датчики движения зажигали свет секциями впереди и гасили его за спиной. Я двигался вдоль стены, останавливаясь перед границей очередного датчика. В просветах между светлыми островами я видел маршрут охраны раньше, чем охрана замечала меня.

Первым нас обнаружил уборочный робот. Круглая машина выехала из-за поворота, мигнула синим глазком и направилась к Фыру, уверенно принимая серую шерсть за особенно трудное пятно. Щётки зашуршали по плитке. Барсук попятился, затем низко опустил голову.

«Убью».

— У неё гарантия дороже твоего пирога.

Фыр переступил ближе, выбирая место для укуса.

«Тогда раню».

Я поймал его за шкурку прежде, чем фамильный зверь объявил войну клининговой технике. Робот недовольно пискнул, объехал наши ноги полукругом и на секунду остановился. Камера на его корпусе повернулась вверх. Я прикрыл лицо ладонью, но снимок серого хвоста, тёмных брюк и двух ботинок уже ушёл в приложение коменданта.

— Поздравляю. У нашего идиотизма появился первый независимый свидетель.

«Он начал».

В учебном корпусе дежурили трое охранников. Расписание двоих я знал по восьми месяцам: один каждые сорок минут курил у северного окна, второй задерживался у автомата с кофе и на каждом круге пинал заедающую нижнюю панель. Бессонов не курил, не пил кофе из автомата и ходил без графика. Из трёх людей он один оставался настоящей угрозой.

Перед западной лестницей на верхнем этаже хлопнула дверь. Я погасил экран, шагнул в нишу с пожарным шкафом и прижал ладонь к груди Фыра. Барсук втиснулся между мной и стеной; шерсть щекотала запястье, дыхание било в пальцы тёплыми толчками.

По ступеням спускались двое. Первый сердито рассказывал, что отпуск опять перенесли, второй держал рацию у плеча. Сквозь шорох связи дежурная сообщила о конверте, найденном в шкафчике Дениса, и попросила занести запись в журнал. Охранник коротко ответил, что сделает после круга. Они прошли в полтора шагах от нас. Один повернул голову к нише, но в этот момент товарищ спросил, кто теперь подпишет отпуск, и взгляд ушёл следом за разговором. После них ещё минуту висел сладкий лосьон для бритья.

Фыр дождался, пока шаги исчезнут за лестницей.

«Люди предупреждают о себе носом за три коридора».

— Не все, — прошептал я и прислушался к пустоте впереди.

Бессонов не предупреждал.

Основной вход в архивное крыло закрывал электронный замок. Жёлтая лента шла крест-накрест от косяка к косяку, под ней висела пломба следственной группы. К ней я даже не приблизился. В старом плане здания оставалась вторая дверь: из зала каталогов через бывшую кафедральную галерею. Когда-то по ней возили коробки, поэтому изнутри стояла обычная нажимная планка — пожарный выход нельзя было запирать намертво. До галереи вела аудитория истории магического права.

Телефон показывал двадцать три тридцать две. До полуночи оставалось двадцать восемь минут: достаточно для осторожного взгляда и слишком мало для ошибки.

Студенческий пропуск открыл аудиторию. Внутри пахло мелом, нагретым пластиком и увядшими цветами, которые выпускники утром принесли преподавателю. Лунный свет лежал прямоугольниками на первых партах. На интерактивной доске осталась фраза: «Доказательство сильнее статуса». Ниже кто-то приписал мелко и аккуратно: «кроме утверждённого перечня исключений».

— Честный предмет, — сказал я. — Сразу учит и правилу, и жизни.

Мы прошли между партами. Фыр задел боком корзину для бумаги. Пластик качнулся, край ударил по ножке стола. Я поймал корзину прежде, чем она упала, и медленно поставил на место. Внутри лежали распечатанные экзаменационные вопросы, смятый стакан и обёртка от шоколадного батончика. Фыр сунул нос под бумажный комок.

— Пусто.

«Преступление против еды».

Служебная дверь у кафедры вывела нас в галерею. Здесь датчики не зажигали свет: режимная зона. Я убрал яркость телефона почти до нуля, накрыл фонарь красным фильтром из аварийного набора и повёл узкий луч под ноги. Деревянные доски сменились холодной плиткой. Справа тянулись закрытые стеклянные двери каталогов; за стёклами темнели стеллажи и белели ярлыки на коробках. Слева шла глухая стена экзаменационного зала.

Днём по ту сторону этого кирпича сидела комиссия. Там упал стул, туда вбежал Денис, там потом лежал Аркадий. Сейчас от зала нас отделяли два ряда кладки и тишина, в которой слышалось, как воздух трёт решётку вентиляции.

На пожарной двери в архивное крыло ленты не оказалось. Следственная группа перекрыла парадный вход и забыла старый маршрут. Я достал тонкие перчатки, натянул их до запястий и взял чистый лист из конверта. Через бумагу нажал планку, придержал дверь плечом и вошёл. Створку остановил тем же листом, чтобы замок не хлопнул за спиной.

Фыр остался на пороге.

В красноватом свете его шерсть поднялась вдоль спины узкой щёткой. Нос втянул воздух один раз, второй, а потом барсук перевёл взгляд на дальний поворот.

«Здесь».

— Здесь что?

Он переступил порог не сразу. Сначала ткнулся носом в плитку, потом провёл им по краю стены.

«Холод. Старый, как на записке и на женщине. Только под ним лежит жар. Два запаха наложились друг на друга, и один до сих пор давит второй».

Магическое восприятие Фыра упорно превращало всё в температуру и запахи. Моим глазам достались тёмный коридор, полоска аварийной подсветки под дверью и пыль на плинтусе. Зато печать на запястье отозвалась покалыванием: фамильяр делился вниманием, и под обычным холодом стены на миг проступило неприятное ощущение натянутой нити.

Мы двинулись медленно. У стены стояли опечатанные коробки, над дверями светились номера помещений. За поворотом коридор упирался в тупик. Узкая дверь в служебную зону экзаменационного зала была закрыта; сквозь квадратное окошко виднелись жёлтая лента и край сложенной ширмы.

Вторая линия на схеме наконец обрела стены. Тело принесли в зал отсюда.

Криминалисты уже оставили на полу маленькие номерные карточки: у длинной царапины на плитке, возле серой волокнистой крошки, у дверного косяка. Я остановился раньше первой метки, убедился, что подошвы стоят на чистом участке, и включил на телефоне голосовую заметку. Фотографировать закрытые материалы значило бы подарить Бирюку отдельный повод отобрать аппарат.

— Северная дверь в четырёх метрах от простенка, — проговорил я вполголоса, ведя лучом, но не рукой. — До порога плитка, дальше паркет зала. У косяка на высоте колена серое волокно, отмечено группой. У пола царапина направлена к залу. Возможный путь переноса.

Фыр взглянул на телефон.

«Ты разговариваешь с коробкой».

— Коробка не меняет показания после бессонной ночи и не боится начальства. Редкое сочетание.

Барсук обошёл карточки так осторожно, будто понимал цену одного сбитого номера. Нос прошёл вдоль стены, задержался у плинтуса, затем поднялся. В дальней секции коридор упирался в старую оштукатуренную кладку. Внизу краска вздулась от сырости, над плинтусом темнела тонкая щель. Фыр сел напротив стены и вытянул шею.

«Жар здесь. В зале остался запах тела. Здесь осталось то, что с ним делали».

Я присел на корточки в шаге от кладки.

— Сорванный вызов?

Фыр принялся ещё раз. Передняя лапа дёрнулась, словно под ней прошла слабая дрожь.

«Открытый канал. Его держали долго. Он бился, а другой давил сильнее. Стена помнит лучше ткани — ткань унесли».

Красный луч скользнул по штукатурке. На уровне плеч сидящего человека проявилось овальное потемнение. Это была не копоть и не влажное пятно: середина оказалась светлее, поверхность вокруг пересохла и пошла мелкой сеткой. Ниже по плитке тянулись две параллельные царапины. Я подвёл свет сбоку. В бороздках не лежало пыли, а расстояние между ними совпадало с ножками переносного стула.

Глава 10

Аркадий мог сидеть здесь живым, спиной к стене, пока чужая магия держала канал. Потом стул убрали, тело вынесли через служебную дверь и положили в зале. Там через несколько метров упал другой стул, когда Денис бросился к выходу. Два звука, два предмета, два разных времени — достаточно, чтобы торопливый свидетель склеил их в одно событие.

— Он умер здесь, — сказал я. Собственный голос прозвучал тише, чем хотелось.

«Да».

Я посмотрел на сухой овал, стараясь удержать не картинку чужой смерти, а вопрос.

— Можешь понять когда?

Фыр приблизил нос к стене, не касаясь штукатурки.

«До того, как позвали меня. Намного раньше. Сверху стена уже остыла, внутри ещё держит».

Его слова сами по себе не доказывали ничего. Но стена была физической, царапины можно было измерить, остаточный след — снять прибором, время доступа к служебной двери — проверить. Улика существовала независимо от моей способности убедить следователя поверить говорящему барсуку.

Я начал подниматься. Поясницу потянуло после долгого приседа, в коленях прошла слабость. Семнадцатилетнее тело выдерживало ночные выезды лучше прежнего, но требовало кормить себя чаще. В кармане лежали сто сорок рублей, которые я сэкономил на пироге. Если переживу ночь и не потрачу их на штраф, утром куплю овсянку и назову это финансовой стратегией.

Фыр развернул голову к повороту так быстро, что ухо прижалось к затылку.

«Человек».

Свет погас прежде, чем я успел убрать телефон. Кто-то нажал выключатель у входа — вентиляция продолжала гудеть, аварийные номера над дверями исчезли, а темнота стала полной.

— Кто здесь? — спросил мужской голос из коридора.

Тело ответило первым: плечи опустились, вес ушёл на носки, правая рука прижалась к боку и не потянулась вперёд. Лишь потом память дала имя голосу.

— Если отвечу «уборочный робот», вы поверите?

Луч фонаря ударил в лицо. Я не зажмурился, только опустил взгляд к плитке, сохраняя человека в периферии.

— Барон Вязьмин, — произнёс Бессонов, приближаясь. — Уборочный робот выглядел убедительнее. У него хотя бы есть наряд на ночные работы.

Инспектор остановился у первой номерной карточки. Невысокий, крепко сбитый, форма застёгнута до воротника. В левой руке фонарь, правая возле кобуры с обычным электрошокером. Каким даром обладал Бессонов, я не знал. На ночном обходе он полагался на технику, бесшумную походку и глаза человека, который замечает открытую дверь на другом конце этажа.

Фыр медленно отступил за стеллаж. Когти не цокнули ни разу.

— Письменное ограничение вы нарушили через... — Бессонов повернул запястье к свету часов. — Сорок семь минут после выдачи. Даже обидно. Я рассчитывал, что дипломированный детектив продержится дольше.

— Ограничение запрещает мне доступ в архивное крыло.

— Скажите, пожалуйста, где мы сейчас стоим.

— В служебном коридоре. Архивы находятся за стеклянными дверями справа. Я их не открывал.

Бессонов молча перевёл луч на табличку над нашими головами. Чёрные буквы на белом пластике прочитались без всякой магии: «АРХИВНОЕ КРЫЛО. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН».

— Восхищён толкованием, — сказал он. — Почти жаль, что на проходной за него не выдают отдельную лицензию.

— Прапорщик Бирюк сегодня объяснил, что процедурой называют лазейку, которую успели описать в правилах.

— Утром он будет восхищён вместе со мной. А пока поднимите руки и держите их в свете. Медленно.

Я поднял ладони. Перчатки оставались чистыми, в правой руке был лист, которым я нажимал дверную планку. Бессонов приблизился, присел, осветил подошвы, затем прошёл лучом по карманам и полу вокруг меня.

— Что трогали по дороге от двери?

— Только планку пожарного выхода через этот лист. Стен, коробок, меток и дверей не касался.

— Что взяли?

— Наблюдения. Они плохо вытряхиваются из карманов.

— Карманы всё равно выверните. Шутку можете оставить себе.

Я положил на раскрытую ладонь телефон, пустой бумажный конверт, ключ от комнаты, сто сорок рублей и талон от номерной ячейки. Бессонов проверил конверт на просвет, заглянул под чехол телефона, вернул всё, кроме листа с отпечатком дверной планки. Его он взял за край и убрал в прозрачный пакет.

— Это останется у меня. Как и запись о вашем присутствии.

— Турникет отметил мой вход в учебный корпус. С территории я не скрывался.

— Какая трогательная законопослушность. Особенно нравится участок между турникетом и опечатанной зоной.

Он повёл лучом по стене за моей спиной, задержался на сухом овале и только после этого спросил:

— Что вы нашли?

Вопрос прозвучал раньше приказа выйти. Бессонов пришёл ловить нарушителя, но увидел след раньше, чем успел закончить работу. На весах между уставом и любопытством появилось движение.

— Возможное настоящее место воздействия на Аркадия. На штукатурке остаточный магический жар, ниже — две свежие царапины от ножек стула. Овал находится на уровне плеч сидящего человека. Фыр чувствует долгий открытый канал и давление другого существа на жертву. Его ощущение указывать в протоколе рано; проверить можно тепловой камерой, соскобом стены и журналом доступа к служебной двери.

Бессонов не стал искать барсука взглядом. Он присел и направил свет по касательной. Под боковым лучом пересохла сетка проявилась чётче.

— Группа это место не отметила.

— Группа работала в зале и перекрыла главный вход. Пожарную дверь через старую галерею оставили без ленты. Возможно, архив посчитали отдельной зоной и решили ждать допуска до утра.

— А вы решили помочь без допуска. Всегда приятно, когда подозреваемый сам расширяет место осмотра.

— Утром сюда придёт уборщик. Влажная тряпка не уважает ведомственные границы, и пятно может исчезнуть раньше допуска.

Палец Бессонова лёг на кнопку рации, но не нажал. Инспектор перевёл свет на низ стены, где обычная сырость вздула краску.

— Почему вы решили, что этот овал имеет отношение к убийству? Весной здесь всё цветёт. Иногда даже стены.

— Сырость поднимается от пола: посмотрите на тёмный край у плинтуса. Овал выше, его центр светлее, а краска пересохла наружу. Теперь царапины. Внутри бороздок нет пыли, значит, появились недавно. Между ними расстояние меньше ножек стеллажа и совпадает со складным стулом из зала. Стул стоял лицом к служебной двери. Сидевший видел человека, который вошёл из экзаменационного зала или кабинета декана.

Бессонов переместил фонарь на плитку.

— А если стеллаж двигали уборщики и оставили след краем?

— Тогда одна борозда была бы длиннее другой, а тяжёлый стеллаж содрал бы верх плитки на повороте. Здесь обе начинаются и заканчиваются одновременно. Спросите хозяйственную службу, когда из тупика последний раз уносили переносной стул.

Инспектор ничего не ответил. Он положил фонарь на пол, и свет прошёл вдоль плитки, выхватив каждую неровность. Из нагрудного кармана появилась маленькая бумажная линейка. Бессонов приложил её рядом с первой царапиной, снял общий план, затем приблизил служебный телефон к штукатурке.

— Отойдите за поворот. По своим следам. И держите фамильяра при себе.

Я сделал три шага назад и жестом позвал Фыра. Барсук вышел из-за стеллажа, ступая в те же чистые места, которыми пришёл. Бессонов проследил за ним, но промолчал. Лишь когда мы скрылись за поворотом, он нажал рацию.

— Дежурный криминалист, северный тупик архивного крыла. Нужны тепловая камера, соскоб штукатурки и фиксация следов ножек. Дополнительная зона, срочно. Заход через основную ленту, старый пожарный выход перекрыть снаружи.

Он ни разу не назвал человека, который нашёл стену. Правильно: улика не должна зависеть от репутации подозреваемого.

Когда связь закончилась, Бессонов поднял лист с дверным отпечатком к свету, ещё раз проверил пакет и посмотрел на меня.

— С местом разобрались. Теперь разговор о вас. Вы проникли в закрытую зону, и я обязан доложить.

— Обязаны. Укажите, что я вошёл через незащищённый пожарный выход. Иначе его снова забудут.

— Ещё я обязан запретить вам двигаться дальше и вывести отсюда.

— Запрещайте и выводите. Стену уже не унесут.

Бессонов прищурился.

— Вы слишком довольны для человека, которого поймали на нарушении.

— Улика останется, даже если мне выпишут взыскание. Хороший обмен.

Он держал фонарь ниже груди, и тени ползли по лицу вверх, делая его старше сорока пяти. На виске блеснула седая прядь. Инспектор смотрел долго, словно сверял не моё выражение, а все движения с момента, когда вошёл в коридор.

— Я видел, как вы сегодня обошлись с Леонтьевым, — наконец произнёс он. — Не дали конвойным закрыть мальчишку раньше проверки, сохранили футляр, потребовали перчатки. Потом сами перечислили Бирюку всё, к чему успели прикоснуться. Человек, который собирается поменять место происхождения, редко начинает с подробной описи собственных ошибок.

— Иногда начинает именно так, чтобы заслужить доверие.

На лице Бессонова впервые появилось живое раздражение.

— Это вы сейчас помогаете мне подозревать вас?

— Экономлю ваше время. Следователям обычно приходится вытягивать неудобные версии самим.

— Моё время оставьте мне, Вязьмин. Я умею тратить его без подсказок.

Он посмотрел на часы и развернул циферблат ко мне.

— До полуночи девять минут. Вы идёте прямо в общежитие. Утром я доложу Бирюку о входе вместе с находкой. Если по дороге коснётесь любой отмеченной вещи, возьмёте документ или попытаете открыть хотя бы одну архивную дверь, я задержу вас лично. Без скидки на барона, диплом и внезапную полезность. Ясно?

— Ясно. Смольцева получит уведомление о новой зоне сейчас?

— Получит по установленному порядку.

— До или после того, как криминалист возьмёт соскоб?

Бессонов убрал телефон в карман и поднял с пола фонарь.

— После. Система иногда рассылает уведомления медленно, особенно ночью.

Он позволял факту появиться раньше, чем человек с полномочиями остановить проверку успеет вмешаться. Небольшой выигрыш для дела имел цену: Бессонов зарегистрировал моё нарушение и теперь мог одним словом перекрыть следующий маршрут.

— Почему вы мне помогаете? — спросил я.

Инспектор направил луч к выходу, предлагая идти.

— Я помогаю месту преступления остаться местом преступления. Не вам. Не перепутайте.

— Зафиксировал.

— И это слово уберите. Раздражает так, будто вы уже протокол на меня пишете.

Тропинин и Бессонов за один вечер независимо возненавидели мою любимую формулировку. Два независимых наблюдения уже тянули на закономерность; возможно, проблема действительно жила во мне.

Фыр вышел из тени и встал возле моей ноги. Только теперь Бессонов направил фонарь на него. Барсук выдержал свет, не моргнув, и медленно сел.

— Он всё это время был здесь? — спросил инспектор.

— С самого входа.

Фыр понюхал воздух в его сторону.

«Скажи, что стену нашёл я. Ты только присел и начал говорить с коробкой».

— Он первым указал на место и отделил след в зале от следа у стены.

— Показания животного в протокол не войдут.

— Войдут данные приборов. Его нос дал направление, мои глаза нашли признаки, ваши люди всё измеряют. По отдельности этого мало, вместе получится улика.

Бессонов снова посмотрел на сухой овал, затем кивнул.

— Тогда фамильный зверь полезнее половины новых сотрудников. Но сотрудникам не говорите. Они обидчивее барсука.

Фыр втянул воздух возле его сапога и явно остался доволен.

«Он мне тоже нравится. Пахнет долгом, усталостью и старой колбасой».

— Фамильяр выражает глубокое уважение.

— По морде не скажешь.

— У него такая морда на все случаи жизни. Радость приходится определять по степени осуждения.

Бессонов повёл нас обратно, держась на полшага сзади и не оставляя возможности свернуть к стеклянным дверям. Возле аудитории истории права он забрал лист из планки, закрыл пожарный выход и дёрнул створку дважды. Галерею мы прошли уже под белым светом его фонаря. У корзины Фыр замедлился, но я коснулся его спины носком ботинка, и он с тяжёлым вздохом оставил шоколадную обёртку миру.

У двери аудитории Бессонов остановился и указал не на служебную дорожку, а на главный коридор.

— Через турникет. Потом по двору. Никаких окон, лестниц и душевых форточек.

— Так дольше.

— У вас восемь минут. Впервые за вечер советую не спорить, а бежать.

Я побежал. Мягкие ботинки щадили распухшие пальцы, зато голод ударил слабостью на западной лестнице. Желудок сжался, дыхание сразу стало громче, рубашка прилипла между лопаток. Фыр мчался рядом, когти часто цокали по плитке. На первом этаже уборочный робот снова выехал из-за угла, узнал препятствие и возмущённо запищал.

Останавливаться мы не стали. Я перепрыгнул щётки, Фыр взял круглый корпус коротким прыжком и в полёте всё-таки ударил по нему задней лапой. Робот развернулся следом, камера проводила нас до турникета.

— Второй раз видит нас в одном здании. Уже постоянный свидетель.

«Он преследует нас и собирает доказательства».

Турникет отметил выход в двадцать три пятьдесят семь. За стеклом двери двор растянулся до неприличия: сто восемьдесят метров мокрого асфальта, две дорожки и лестница общежития. До полуночи оставалось три минуты.

Мы выскочили наружу. Холодный воздух ударил по мокрой спине. Фыр сначала отстал на повороте, потом срезал через траву и поравнялся со мной. У входа я едва не поскользнулся на мокрой плите, схватился за перила и пересёк порог за десять секунд до смены даты на больших настенных часах.

Дежурная оторвалась от сериала на планшете. На экране кто-то как раз плакал под музыку, а перед её столом тяжело дышали подозреваемый в убийстве и фамильный барсук с травинкой на ухе.

— Вязьмин, ты чего носишься по ночам? — Она сняла очки и посмотрела на часы.

— Боялся опоздать к отбою. Представляете, какие сейчас строгие времена.

Её взгляд прошёл по вспотевшей рубашке, мягким ботинкам, Фыру и снова остановился на моём лице. Дежурная решила, что разумное объяснение потребует слишком много вопросов, махнула рукой и вернулась к сериалу. Люди охотнее верили глупой правде, когда ложь обещала им лишнюю работу.

В комнате Хорь встретил меня стоя. За время ожидания он перестегнул рубашку правильно, придвинул стул к двери и, судя по разряженной на четверть батарее, проверял телефон каждые несколько секунд. На экране светилась переписка с Куциным.

— Он написал, — Хорь сунул аппарат мне почти в лицо. — Снизил до четырёхсот пятидесяти, если отдам сейчас. Видишь? Сам снизил. Я ему вообще не отвечал.

Я прочитал сообщение, отметил время и вернул телефон.

— Значит, пятьсот были нужной суммой, а не проверкой твоей жадности. Времени у него меньше, чем он рассчитывал, поэтому он согласился потерять пятьдесят. К утру деньги всё равно должны оказаться у него.

Хорь заглянул мне за плечо, будто ожидал увидеть там наручники.

— Ты в архиве хоть что-нибудь узнал?

Я снял пиджак, повесил его на спинку кровати и осторожно расправил проколотую когтями рубашку.

— Узнал, что Бессонов действительно ходит без расписания.

— Тебя поймали?

— Не поймали. Обнаружили, осмотрели, изъяли лист бумаги и проводили до выхода.

Хорь провёл ладонью от лба до подбородка, на секунду закрыв лицо.

— После этого ты всё ещё собираешься решать мою проблему? Лев, у тебя сегодня уже был труп, задержание и ночной обход с охраной.

— Именно после этого. Один запрет я сегодня нарушил, поэтому второй разговор проведу как образцовый переговорщик. Куцин ждёт денег, мы принесём ему вопросы.

Фыр тут же поднял морду и прижал круглое ухо к моему ботинку, словно собирался выслушать план вместе с нами. По связи пришло короткое и настойчивое: «И пирог».

— Куцин сначала, — сказал я, снимая со спинки стула тёмный пиджак. — Пирог сразу после того, как мы вернёмся без переломов и новых взысканий.

«Ты опять отодвинул конкретный глагол», — недовольно ответил барсук и поскрёб когтями по полу. Он уже запомнил слово «потом» и справедливо считал его человеческой формой мошенничества.

Я застегнул пиджак, поправил манжет и повернулся к Хорю. После бега по Академии рубашка липла к спине, в комнате пахло пылью от батареи и чужим страхом, но за дверью меня ждал не инспектор. Я застегнул ворот до верхней пуговицы и оставил ответ на лице. Куцину предстояло первым увидеть барона, которого неудобно толкнуть в грудь, и лишь потом — выпускника без лицензии.

— Что мне говорить? — Хорь подтянул воротник, повторяя за мной, и выпрямился. На полголовы он всё равно оставался ниже Куцина, зато теперь перестал выглядеть человеком, заранее приготовившим пятьсот рублей и извинение. — Я могу объяснить, зачем продал глушилку.

— Будешь говорить правду, когда спросят, и молчать, пока не спросили. Сам не оправдывайся, денег не предлагай, молчания не обещай. Сначала услышим, чего он на самом деле боится, и только потом назовём ему цену.

— А если он меня ударит? — Хорь потёр то место на груди, куда Куцин толкнул его утром. — Он одной рукой меня в шкаф заправит.

— Тогда он бесплатно подарит нам нарушение режима, свидетеля и медицинский акт. Он не дурак, а мы не придём к нему в тёмный угол. От двери не отходишь, за мою спину не прятаться. Если закричу — будешь хорошо запоминать, кто кого ударил первым.

«А мне можно будет укусить?» — Фыр уже стоял у двери и с надеждой смотрел на нас.

— Нет, — ответили мы с Хорем в один голос.

Барсук фыркнул, толкнул дверь носом и пошёл первым, так всем видом показывая, до чего плохо обслуживают призванных союзников в этом общежитии.

Крыло третьего курса начиналось двумя этажами выше. После отбоя общий свет приглушали, и лестница жила жёлтыми прямоугольниками под дверями. За одной голубел экран сериала, за другой кто-то бубнил формулы к утреннему экзамену, который после убийства, скорее всего, отменят. Новость о теле в экзаменационном зале уже добралась до каждой комнаты. Когда мы проходили мимо, голоса за дверями притихали, а тени ложились поперёк световых полос. Студенты подходили к глазкам и ждали, пройдёт ли барон с барсуком мимо или остановится у их двери.

— Народ пишет, что ты вызвал демона в виде барсука, а он загрыз Аркадия, — сообщил Хорь шёпотом, приблизив экран к лицу. В чате сообщения появлялись быстрее, чем он успевал их прокручивать. — Тут уже две фотографии, где у него кровь на морде. На одной крови нет, зато качество хуже.

«Кого я загрыз?» — насторожился Фыр и повернулся к нам, едва не попав под ноги.

Глава 11

— Никого. И даже не думай, что тебя недооценили.

Хорь сделал вид, что я обращаюсь к нему, и продолжил:

— Ещё Денис твой незаконный брат. В одном канале уже сравнивают уши.

— Он старше или младше?

— Не уточнили. Там сейчас голосуют.

— Плохая журналистика. Пусть хотя бы родство проверят до опроса читателей.

«А про меня там есть хорошее?» Фыр на ходу поднялся на задние лапы, пытаясь заглянуть в экран, и тут же шлёпнулся на все четыре.

— Фыра волнует его образ в прессе.

Хорь оглядел барсука с новым уважением.

— Так сам и напиши, что он спас расследование. У меня есть знакомый в студенческом канале. Если дать ему фотографию поприличнее, темник с кровью удалят.

— Фотографию подберём потом. Сейчас пусть твой знакомый сообщит только одно: Денис проходит свидетелем по перемещению Ключа, обвинение в убийстве ему не предъявлено. Без моего имени, без декана и без разговоров о версиях.

— Зачем тебе его защищать? Он тебя в экзаменационном зале чуть вместо себя не поставил.

— Именно поэтому. Если молчать, пустое место заполнит первый, кто хочет сделать из мальчишки убийцу. А тот, кто подбросил ему футляр, как раз на это и рассчитывает. Поможем одной правде дойти раньше, чем до людей доберутся три лживые истории.

Хорь остановился на площадке, перехватил телефон обеими руками и набрал текст. Пальцы привыкли торговаться и переписываться быстрее, чем он думал. Через полминуты экран оказался у меня перед глазами: «Леонтьев проходит свидетелем по перемещению Ключа; слух об обвинении в убийстве ложный. Источник — присутствовавший при опросе».

— Долго, — сказал я, возвращая телефон. — «По перемещению Ключа» оставь, всё остальное годится. Отправляй.

— Мой знакомый скажет, что формулировка сухая.

— В его канале барсука уже обвинили в убийстве. Он переживёт.

Хорь хмыкнул и отправил. Кружок на экране только успел провернуться, как из-за ближней двери послышался возмущённый шёпот: «Леонтьев свидетель?» Затем скрипнула кровать, за стеной зашуршало одеяло. Поздно: ложь уже получила первый удар, а Хорь на ходу превратился из клиента в источник. Если кто-то вычислит его по слогу, студенческая сеть возьмёт с него цену.

Комната Пантелея Кущина находилась в конце коридора, рядом с запертой лестницей на чердак. Под его дверью не было света, зато после первого стука внутри натужно скрипнула кровать. Фыр прижался носом к щели. За дверью наступила тишина, которая слишком старалась выглядеть сном.

Я постучал ещё раз, короче и твёрже. Не просился в гости, а давал человеку за дверью возможность собраться.

— Кто там? — Голос Кущина проснулся раньше хозяина.

— Вязьмин. Откройте, Кущин.

Задвижка щёлкнула не сразу. Дверь приоткрылась на ладонь; в щели показалось широкое заспанное лицо с родинкой над левой бровью. Кущин увидел меня, перевёл взгляд на Хоря, потом на барсука и проснулся окончательно.

— Барон Вязьмин. Поздновато для визитов, — прогудел он, оставив ногу за дверью, чтобы её нельзя было распахнуть.

— Для вымогательства до утреннего построения — как раз вовремя. — Я показал на дверь за нашими спинами. — Но мы можем обсудить пятьсот рублей прямо здесь. Через минуту свидетелей будет весь коридор.

Кущин открыл дверь шире, но по-прежнему стоял в проёме. Он был на голову выше меня и почти вдвое шире в плечах; майка натянулась на груди, на правом предплечье темнел свежий синяк, костяшки были сбиты. Тело Льва узнало сильного противника раньше, чем я успел оценить расстояние: под лопатками прокатился холод, ступни сами встали шире. Я оставил руки на виду и дал холоду пройти. Драка уничтожила бы всё, что я за ночь заработал.

— Это дело между мной и Хорьковым. — Кущин опёрся плечом о косяк, теснее закрывая проход. Говорил он низко, короткие слова выталкивались из тесной челюсти. — Вас, барон, оно не касается.

— Хорь пришёл ко мне за помощью, а вы назначили срок до утра. Теперь касается. Откройте дверь или говорите громче.

Где-то за спиной уже скрипнула чужая половица. Кущин услышал, посмотрел за моё плечо и отступил. Хорь прошёл после меня, а Фыр протиснулся между его ногами и косяком, нарочно задев хозяина боком.

Комната была рассчитана на двоих, но вторая кровать стояла без матраса и служила складом. На сетке лежали перчатки, маска и три фанерных щита. У окна на письменном столе теснились учебники боевой магии, бинт, банка дешёвой энергетической смеси и открытый ноутбук. Кущин поспешно шагнул к столу. Верхнюю строку переписки он закрыл на мгновение позже, чем мог бы. Я успел увидеть время последнего сообщения — двадцать два пятьдесят девять — и имя «Северов Г.»

Крышка ноутбука захлопнулась.

— Садиться не предлагаю. И зверя от сумки уберите.

— Мы ненадолго. — Я остался стоять, а Хорь занял место между мной и дверью. Он всё-таки услышал половину моих инструкций.

Фыр обошёл комнату вдоль стены, обнюхал банку смеси, задержался у спортивной сумки и сел рядом со шкафом. Кущин провожал его взглядом, напрягаясь всякий раз, когда барсук прикасался носом к чужой вещи.

— Он у вас дрессированный?

— Я тоже хочу знать, — вставил Хорь, но не расслабил плеч.

«Скажи большому, что от него пахнет кровью, лекарством и страхом». Фыр положил лапу на спортивную сумку, показывая, где запах был сильнее.

Свежий синяк, разбитые костяшки, бинт на столе и резкий запах мази уже объясняли лекарство. Кровь могла остаться от драки или тренировки. Страх появился не из-за нас: у крышки ноутбука его след был сильнее. Направление мы получили, а с приговором можно было не спешить.

— Начнём с пятисот рублей, — сказал я, не глядя на ноутбук. — Объясните, почему именно пятисот и почему деньги нужны до утра.

— Потому что я так решил.

— Тогда вымогательство получается слишком глупым для вас. Хорь принесёт деньги, вы их возьмёте и получите постоянного свидетеля, которому будете доверять до первой новой ссоры. Если через неделю попросите ещё, он идёт к коменданту с вашей перепиской, и вы оба вылетаете из Академии. Значит, вам нужны не отношения с Хорем и не страх. Вам нужна одна сумма к одному сроку.

Кушин скрестил руки на груди, спрятав разбитые костяшки под локтем.

— Вы пришли читать мне лекцию?

— Я пришёл выяснить цену вашего молчания. Деньги были первой версией, но она мне больше не нравится.

— А мне нравится.

— Тогда давайте исполним ваши гражданские намерения прямо сейчас. — Я достал телефон, нашёл ночной номер учебной части и протянул аппарат Кушину. Крупное лицо осветилось белым, номер ждал одного касания. — Скажите, что видели незаконную передачу глушилки, а потом потребовали пятисот рублей за молчание. Переписку вы сохранили, показания дать готовы. Хорь подтвердит продажу, назовёт покупателя и отдаст устройство. Его накажут за нарушение режима, вас — за вымогательство. Зато вы сделаете именно то, чем мне сейчас угрожаете.

Хорь втянул воздух и побелел. Проступок только что перестал быть тайной и лёг на его лицо всем весом будущего диплома.

— Лев, — выдохнул он и схватил меня за запястье. — Ты же сказал...

Я не убрал телефон, только повернул экран так, чтобы он тоже видел номер.

— Я сказал, что хочу сохранить тебе диплом. Но если выбирать между одним взысканием сейчас и шантажом до конца учёбы, мы выберем взыскание. Ты отдаси глушилку, вернёшь деньги и останешься в Академии. Кушин денег всё равно не получит. — Я перевёл взгляд на Кушина. — Если только ему не нужно от тебя что-то другое.

Кушин смотрел на номер, на тонкую трещину на своей костяшке, на Хоря, который так и держал меня за руку. За стеной хлопнула дверь; кто-то пошёл к душевой, шаркая тапками. Шаги прошли мимо и стихли. Мы всё ещё ждали.

Наконец Кушин разомкнул руки. На рукаве майки осталось тёмное пятно от мази.

— Уберите телефон. Мне нужен свидетель, чтобы потом никто не переписал условия. Надёжный. Не из боевиков и не из друзей Северова.

Я убрал телефон в карман, но остался между Кушиным и Хорем.

— Свидетель чего?

— В четверг, в полночь, в подвале спортивного крыла будет дуэль. Учебные чары, три обмена, до первой пробитой защиты. У меня спор с Гришей Северовым. Он приведёт своего человека, я должен своего. Мой сегодня отказался.

— После убийства Аркадия?

Кушин сжал кулак. Трещина на костяшке снова раскрылась, выступила кровь.

— Аркадий должен был присутствовать. Не свидетелем, посредником. Он свёл нас, записал условия, держал у себя копии переписки. С ним Северов не смог бы изменить договор задним числом. Теперь у меня остался только Северов, который может заявить что угодно, и парень, который отказался лезть в это после новости о теле. Он решил, что дуэль связана с убийством.

Утренний приказ Бирюка запрещал мне приближаться к архиву, а полночная дуэль в подвале к архиву не относилась. Кущин только что продал мне ещё один путь к мёртвому. Зато впервые за вечер он сам стоял передо мной не шантажистом, а покупателем.

— Пятьсот рублей нужны были на нового свидетеля?

— Один парень согласился прийти за эти деньги, но потом услышал про опросы и поднял цену. Хорькову я написал раньше, чем тот отказался окончательно. Сразу удалять сообщение стало поздно.

Кущин поднял голову. В тёмных глазах появилось прямое предложение, и голос перестал быть защитным:

— Вы барон. Ваше слово Северов не перекрутит. И вы всё равно теперь расследуете, кто убил Аркадия. Придите в четверг и сами увидите, с кем он водился перед смертью.

Хорь повернулся ко мне. В его взгляде сразу жили облегчение и новая тревога: Кущин отпускал его, зато покупал меня. Обмен оказался именно таким, как я и ждал.

— Если я приду, требование к Хорю снимается полностью. Переписку о пятистах не удаляем: она останется у него на случай, если вы снова попытаете передумать. Глушилку Хорь вернёт покупателю, после чего продавать такие вещи прекратит. На дуэли я свидетель, а не участник и не прикрытие от охраны. Три обмена, учебные чары; как только чья-то защита пробита, спор окончен. После дуэли вы расскажете всё, что Аркадий говорил о своих долгах, делах и семье.

— Почему после?

— Часть расскажете сейчас, чтобы я понял, куда иду. После встречи спрошу ещё раз и проверю, не забылось ли что-нибудь важное.

Кущин криво усмехнулся и кивнул на мой карман.

— Торгуетесь как ростовщик. Разве что залога не хватает.

— Ростовщик взял бы залог. Я беру информацию. И оставляю за собой право передать её Бирюку, если она касается убийства.

На лицо Кущина вернулась жёсткая тень.

— А если я откажусь?

— Утром Хорь сам сообщит Бирюку о глушилке, а заодно покажет ваше требование денег и переписку с Северовым. Инспектор сегодня необычно скучает. За ночь ему уже принесли неизвестный футляр, поддельную записку и тайный канал в стене. Подпольная дуэль с мёртвым посредником его наверняка развлечёт.

— Ваше лицо мне всё меньше нравится, — пробормотал Кущин. Он обвёл взглядом комнату, словно проверял наши слова на весу своих вещей. — Но я согласен. Хорькову больше ничего не пишу. В четверг вы мой свидетель. Три обмена, учебные чары, а до встречи никаких доносов.

— Если убийство потребует сообщить раньше, сообщу. Тайна действует только для вашего спора, а не для преступления.

Кущин закатил глаза и провёл по лицу ладонью, скользнув большим пальцем по короткой щетине.

— Вы всё портите оговорками.

— Оговорки придумали люди, которые однажды поверили честному слову без подробностей. — Я кивнул на фанерные щиты на кровати. — Теперь о том, что вернёт меня в эту комнату. Что Аркадий говорил о долгах?

Фыр подошёл к Кушину и потянулся носом к его сбитым костяшкам. Хозяин отдернул руку и прижал к боку.

— Уберите зверя.

— Он проверяет, как вы пережили наше соглашение.

«Малого он не сдаст. Но боится Северова и ещё кого-то. Мёртвого боялся больше, чем живого». Фыр шагнул ближе и снова потянул нос, не признавая приказа отойти.

— Почему вы боялись Аркадия? — спросил я без перехода.

Кушин дёрнулся так, будто я попал пальцем в трещину на его руке.

— Я не говорил, что боялся.

— Говорите сейчас. Фыр чувствует страх, когда звучит имя Аркадия. Я вижу, что вы закрыли ноутбук, когда разговор дошёл до долга, и вижу свежую кровь на вашей руке. Начните с того, что можно проверить. Тогда мне не придётся склеивать ваши оговорки самому.

Кушин ещё мгновение возвышался над нами. Потом развернулся и сел на край пустой кровати. Сетка просела, перчатки соскользнули к его бедру. Разница в росте никуда не делась, зато плечи опустились, и комната перестала быть тесной для его тела.

— Аркадий собирал сведения. Про всех. — Кушин раскрыл ладонь, увидел кровь и вытер её о майку. — Кто кому должен, кто у кого покупает глушилки, кто с кем встречается, кто на дуэль полез. Иногда он помогал: договаривался, давал деньги, находил свидетеля. А потом напоминал, что однажды помог.

— Вам напоминал?

— Зимой я занял у него две тысячи. — Он сказал это быстро, будто нужно было перешагнуть через деньги и идти дальше. Провёл ладонью по матрасу, прижимая к сетке сбившуюся простыню. — Отцу нужно было лечение. Я вернул тысячу двести, остальное он разрешил отдать после выпуска. А неделю назад попросил узнать, кто из третьекурсников покупает защитные датчики мимо кафедры. Я отказался. Тогда он сказал, что срок долга можно пересмотреть.

— Угрожал взыскать деньги сразу?

— Не прямо. — Кушин оскалил зубы, но злился уже не на меня. — Аркадий прямо вообще редко говорил. Улыбнулся и спросил, как отец себя чувствует. После этого хотелось его ударить.

— И вы ударили? — Я взглянул на костяшки.

— Стену. Сегодня, когда узнал про него. — Кушин посмотрел на тёмную мазь на рукаве. — Глупо, знаю.

— Где вы были во время экзамена?

— На трибуне у восточной стены. Рядом сидели Северов и Люда Ряжская. Нас уже опросили, мы видели друг друга.

Кушин отвечал охотнее, когда вопрос касался проверяемых вещей. Давал место, соседей, опрос. Как только дошёл до Аркадия, пальцы вновь сжали край матраса.

— Что он говорил о долгах своей семьи?

— Однажды сказал, что у его отца векселей больше, чем комнат в особняке. Сам над этим смеялся, как будто размер долга его забавлял. Потом добавил, что скоро закроет всё одним большим делом и больше ни у кого просить не будет.

— Что за дело?

— Не сказал. Я подумал про чей-то компромат. У него вечно были чужие тайны.

Фыр поднял морду к шкафу. Из щели подтянуло старой кожей, мазью и ещё чем-то металлическим. Барсук сделал шаг, но Кушин выставил сапог и закрыл ему дорогу. Сейчас чужой шкаф нам был не нужен.

— Кто давал Аркадию большие деньги?

— Ходили слухи про частных держателей. Таких, что расписку в банк не несут. Я точно не знаю. Гурьев-старший заложил что-то из семейного собрания, а Аркадий пытался выкупить. Ещё он спрашивал у Хорькова цены на глушилки и метки слежения.

Хорь подался вперёд, ударив меня локтем в спину.

— Один раз спрашивал. Я ему ничего не продал, сразу сказал, что такие проблемы мне не нужны.

Кущин посмотрел на него так, будто увидел у себя в комнате настоящее чудо.

— Вчера проблемы тебе были нужны.

— Вчера был другой товар и другой покупатель. Метка держит человека на поводке, а глушилка всего лишь открывает дверь общежития после отбоя. Для меня разница есть.

Под бесконечной торговлей у Хоря обнаружилась граница. Кривая, коммерческая, но настоящая. Для моего будущего информатора это значило больше, чем готовность лезть в чужой карман.

— Когда Аркадий спрашивал о метке?

— Дней десять назад. — Хорь попятился к двери, точно из него собирались вытряхнуть цену. — Хотел метку, которая цепляется к телефону и показывает геолокацию без согласия владельца. Я объяснил, что легальных таких нет, а нелегальными я не занимаюсь.

Мы с Куциным одновременно посмотрели на него. Хорь выдержал два удара сердца и нехотя уточнил:

— Хорошо, не такими нелегальными. Понимаешь? Глушилка помогает вернуться после отбоя. Метка следит за человеком. Я не вижу эти вещи одинаково.

Кущин хмыкнул. На полу Фыр повёл носом от одного к другому, словно сам проверял, есть ли у этой границы запах.

— На служебный планшет, — добавил Хорь, пока я не успел задать следующий вопрос. — Аркадий спросил, можно ли её поставить на служебный планшет. После этого я даже цену не назвал.

Комната как будто сделалась теснее. Учебники, фанерные щиты, мазь и разговор о семейных долгах отошли на задний план. Служебный планшет означал Академию, человека с доступом и точную цель. Метка могла оказаться отдельной чужой тайной; могла и связать дуэль, архив и смерть Аркадия. Теперь надо было передать факт Бирюку и узнать, какие планшеты были рядом с Аркадием перед смертью.

— Кого Аркадий хотел отслеживать?

— Не назвал. — Хорь покачал головой и тут же насторожился. — Ты же не собираешься сейчас включить в нашу сделку ещё и Бирюка?

— Утром ты сам расскажешь ему о запросе метки. Без имени покупателя глушилки, если он о нём не спросит. Но на прямой вопрос лгать не будешь.

Хорь узкой ладонью закрыл лицо и с тихим стоном провёл ею от лба до подбородка.

— Моя жизнь за один вечер стала настолько законной, что мне хочется из неё выписаться.

— Привыкай малыми дозами. Начни с одного инспектора в день и не употребляй натошак.

Кущин поднялся. Разговор изменил его лицо: сонная одутловатость ушла, скулы обозначились резче. Договорившись, он снова получил привычный рост и готов был вытолкать нас в коридор.

— Хорьков свободен, вы приходите в четверг. Мы договорились. Если комендант увидит троих после отбоя, объяснять будете сами. Уходите.

— Ноутбук и переписку с Северовым сохраните. Сообщения Аркадия тоже не удаляйте. Утром Бирюк может попросить копию.

Кущин снова прикрыл ноутбук ладонью.

— Там есть личное.

— Бирюк умеет отделять личное от важного. Иногда он даже название своего ведомства отделяет.

Кущин проводил нас до двери. Фыр вышел первым и уселся в коридоре, ждя остальных. Кущин уже взялся за ручку, но пока не закрыл дверь.

— Барон, — окликнул он меня.

Я обернулся. Большая ладонь Кущина ещё держала дверь, а плечо закрывало ноутбук словно щит.

— Я не убивал Аркадия.

Глава 12

Хорь за моим плечом перестал дышать. Я же позволил собственному взгляду скользнуть к его сбитым костяшкам, к закрытому ноутбуку и обратно к лицу.

— Я пока не спрашивал.

Цвет сошёл с лица Кущина. Пальцы на дверной ручке сжались так, что пластик заскрипел.

— Но спрошу. Поэтому ничего не удаляйте.

Дверь закрылась тихо, без обычного для такой руки удара. Я нарочно оставил его с этим вопросом. К утру Кушин десять раз восстановит собственный маршрут и принесёт Бирюку больше подробностей, чем принёс бы после вежливого разговора. Жестоко, зато самолюбие не запоминает оговорки.

В коридоре Хорь выдохнул так шумно, будто держал воздух от самой нашей комнаты. Потёр грудь и тут же отдернул руку, будто боялся показать, что дышать ему стало легче.

— Ты сказал, что я свободен. А сам заставил меня вернуть деньги, отдать глушилку, идти к Бирюку и ещё на тебя работать.

— Кушин хотел только пятьсот. Со мной дороже, потому что в цену входит диплом. Твой. — Я поправил полу пиджака и пошёл к лестнице. — Деньги вернёшь частями. На меня поработаешь один раз.

— Кушин хотя бы не притворялся, что это помощь.

— Ты вернёшься к выпуску без шантажа за спиной. Помощь иногда ощущается как толчок, особенно если упираешься.

Хорь ещё собирался обидеться, но у лестницы спросил уже другим голосом:

— Ты правда думаешь, что я могу быть полезен в расследовании? Не просто чтобы сейчас меня подбодрить?

Он встал на верхнюю ступень и не пошёл дальше, пока я не повернулся к нему. В темноватом свете его лицо могло бы принадлежать тому торговцу у вокзала, которого сначала не замечают, а потом ищут в самом сердце рынка.

— Ты знаешь, кто продаёт вещи, о которых молчат официальные каталоги. Люди при тебе говорят свободнее, потому что считают тебя несерьёзным, и у тебя есть своя граница. Ты отказал Аркадию в метке, хотя на ней можно было заработать. Это даже для старта лучше кулаков Кущина.

Хорь спрятал довольную улыбку, почесав нос.

— Если понадобится узнать то, чего в бумагах нет, обращайся. За деньги, конечно. Тебе могу сделать дешевле. По-дружески.

— Первую услугу ты уже должен.

— Вот знал, что ты напомнишь. Ладно. Одну услугу переживу.

«Он будет хорошим слугой», — решил Фыр, бежавший впереди короткими лапами.

— Он партнёр, — поправил я вслух.

Хорь услышал только мой ответ. Шутливая улыбка ушла с его лица, и он кивнул излишне серьёзно, словно заключал новую сделку.

— Партнёр — это можно. А то на «слугу» я точно дороже пятисот запрошу.

У моей комнаты Хорь остановился, придержал мне дверь и заглянул внутрь. Комната стояла тёмной, на окне дрожало серое отражение предрассветного неба.

— Спать будешь или снова пойдёшь нарушать?

— Сделаю одну проверку и лягу. Если меня арестуют утром, разбуди. Не хочу проспать начало карьеры.

— Обязательно. Сам встану пораньше и посмотрю, как тебя поведут.

Он ушёл к себе, тихо закрыв дверь. Я заперся, прислонился к дереву спиной и дал плечам опуститься. В комнате пахло пылью и холодным бельём. Сухой язык прилип к нёбу, пустой желудок свело, а веки впервые за ночь стали тяжёлыми — тело предъявило счёт за сутки без сна.

Из-под крана я выпил две кружки воды, нашёл на полке половину сухого бублика и предложил Фыру разделить ужин. Барсук обнюхал свою половину, осторожно откусил, пожевал и выплюнул крошку мне на одеяло.

«Это не пирог».

— Это аванс. Завтра будет настоящая еда.

«Это наказание», — заключил Фыр, но вторую половину забрал целиком. Съел её на моей подушке и уселся там же, сложив лапы на груди и сохраняя оскорблённый вид.

Я сел за стол и разобрал то, что накопилось в карманах. Ограничение Бирюка положил возле телефона — утром предстояло согласовать следующий шаг. Заверенную копию протокола с фотографией расписки убрал в чехол, талон от ячейки с запиской Ярослава на обороте прижал кружкой, а экзаменационный билет оставил под лампой. Каждый предмет получил своё место и следующее действие; ночь перестала быть спутанным клубком голосов, запахов и крови на чужой манжете.

Экзаменационный билет царапнул подушечку указательного пальца. На картоне осталась вмятина от края денисовой записки. В зале я поддел её билетом и развернул, не касаясь руками. Перед тем как Лидия убрала записку в пакет, я карандашом обвёл положение сургучной печати и переписал текст. Теперь из вмятины на белый картон выкатилась красная крошка и блеснула под лампой. Кусочек сургуча отломился от записки и зацепился за волокна билета.

Я замер с кружкой в руке. Случайно попавшая ко мне улика до первого же неверного движения оставалась целой. Я поставил кружку на край стола, потом медленно убрал локоть, чтобы не касаться столешницы. Теперь нужно было позвонить Бирюку, упаковать билет и передать его под записку. До звонка можно было только смотреть, не дыша в сторону крошки.

Настольная лампа светила сбоку. Крошка отбрасывала крошечную тень, и в изломе проступала почти чёрная прожилка. Рядом блестела золотистая крупинка. Такую смесь я за восемь месяцев видел десятки раз: ею печатавали внутренние журналы архивного крыла. Красный

воск закупала вся Академия, а чёрный пигмент с золотой слюдой добавляли только там, чтобы пакет закрытого хранения можно было узнать при первом же взгляде.

Воск на манжете Дениса. Печать на поддельной записке. Такие же пакеты, которые я носил Тропинину на практику. Три детали сошлись в одном месте без помощи барсучьего носа. Поддельный приказ изготовили в архивном крыле.

— Записку опечатали в архиве, — сказал я.

Фыр уже занял мою подушку и свернулся на ней, накрыв нос хвостом.

«Женщина оттуда».

— Смольцева имеет доступ. Как Тропинин, Бессонов, Лидия, ректор и архивариусы. Место мы сузили, человека — пока нет.

«Ты всегда портишь хорошего виноватого списком», — проворчал он, не открывая глаз.

— Хороший виноватый выдержит список.

Я положил рядом с билетом линейку, сфотографировал крошку и не стал делать второй кадр: стол слегка дрогнул от касания телефона. Отодвинул стул так, чтобы самому не задеть столешницу, и позвонил Бирюку. Он ответил после шестого гудка.

— Если это очередное нарушение, говорите медленно, — прохрипел инспектор. Пока телефон лежал на краю кровати, он успел трижды не попасть пальцем по кнопке. — Я записываю причины не повысить вас до подозреваемого.

— На моём экзаменационном билете осталась крошка сургуча с записки Дениса. Она перенеслась случайно, когда я разворачивал бумагу краем билета до прибытия перчаток. В изломе сургуча чёрная прожилка и золотистая слюда, как в архивной смеси. Билет я не трогаю. Нужны пакет и изъятие.

На том конце послышался шорох, тонкий звон упавшей ложки и резкий вдох. Сон из голоса Бирюка исчез ещё до ответа.

— Дверь заперта?

— Заперта. В комнате только я и Фыр.

— Барсука к столу не пускать. Не чихать, не дуть, окно не открывать. Бессонов будет у вас через пять минут.

— Он и так хотел поговорить с вами утром.

В трубке стало тихо. Бирюк вспоминал, зачему человек, только что вернувшийся из закрытого крыла, может хотеть поговорить с инспектором.

— Что вы сделали, Вязьмин?

— Нашёл стену. Точнее, сначала её нашёл Фыр.

— Пять минут, — повторил Бирюк и отключился.

За окном над крышами Академии наливалось серое предрассветное небо. Пока мы с Фыром ждали шагов в коридоре, я открыл заметки и назначил утру порядок. Сначала передать Бирюку формулировку о статусе Дениса, прежде чем слух сделает мальчишку убийцей. Затем проверить долг Хоря и условия подвальной дуэли Кущина. После — оформить собственное нарушение и добиться законного доступа к архивной смеси. Напротив каждого пункта стояла цена, которую ночь уже успела взыскать; теперь каждому требовалось действие.

Фыр сошёл с подушки и сел в двух шагах от стола, показывая, что инструкцию о крошке он понял. Томились пять минут. Я считал удары пульса и сбился где-то после четырёхсот. После этого ожидание стало медицинской статистикой, а не временем.

Шаги замерли за дверью. Фыр не повернулся на голос Бессонова: прижал нос к щели у пола и повёл мордой к петлям.

— Открывайте, Вязьмин. Это опять я. — Бессонов трижды стукнул костяшками, и по щели у пола прошёл тонкий луч фонаря.

«Он там. Другой был раньше».

— После кого? — Я взял билет за чистый край и поднёс к лампе, не отрывая взгляда от крошки.

«После человека с пирогом. До холодного».

Хорь проводил меня до двери, но внутрь не заходил. Бессонов шёл от северного закутка. Между ними оставалось несколько минут и один человек, если барсучье чувство времени можно было перевести на человеческие минуты.

— Я слышу, как вы там шепчетесь, — предупредил инспектор и снова подал луч под дверь. — Если хотите позвать адвоката, позовите. Но дверь откройте.

— Отойдите к противоположной стене и держите правую руку на виду. На билете может быть материал с места преступления. Я открою левой.

Луч исчез. Бессонов не стал спорить, и это было лучшим ответом на мою просьбу. Я подождал, пока доска перестанет скрипеть под сапогами, отпер замок левой рукой и распахнул дверь, держа билет перед собой.

Инспектор стоял в трёх шагах. Фуражку не снял, китель застегнул до воротника, правую руку держал на виду. Под глазами лежали тени, на локте белела штукатурка из северного закутка. Он посмотрел на мою свободную ладонь, на билет, на Фыра у косяка и только потом поднял взгляд к моему лицу.

— Показывайте. В руки не давайте. — Бессонов снял фонарь с пояса, развернул плафон к двери и вынул складную лупу. Красная крошка попала в круг света. — Чёрная прожилка есть. Золотистая крупа тоже.

— Архивная смесь.

— Архивной она станет после экспертизы. Пока это красный маленький кусок чего-то, и его нужно довести до лаборатории. — Он захлопнул лупу, достал из планшета бумажный конверт с чистым листом и раскрыл передо мной. — Опускайте билет за противоположный край. Медленно.

— У маленьких вещей сегодня хорошая карьера. — Я положил картон на лист. Бессонов тут же завернул его, прижал клапан и убрал пакет в нагрудный карман.

Пока мы работали с билетом, Фыр вышел в коридор. Теперь он стоял в трёх шагах от нас и водил носом к лестнице. Ни пинцета на отдельной салфетке, ни лекции о влажности — только точная работа рук и новая цель, которую барсук выбрал без нашего разрешения.

— Верните зверя. — Бессонов шагнул вперёд и заступил мне дорогу плечом.

— Он взял след человека от моей двери. Билет уже у вас.

Бессонов тихо выругался, проверил ладонью конверт в кармане и двинулся рядом. Луч фонаря бежал перед нашими ногами, выхватывая истёртые ступени, пыль у плинтуса и матовые отпечатки Фыровых лап. Инспектор не пытался нас остановить. Он шёл достаточно близко, чтобы успеть схватить меня, если я решу превратить наблюдение в самодеятельность.

На площадке барсук поднялся передними лапами на подоконник. Окно было приоткрыто на ширину ладони; за стеклом тянулся карниз, уходила вниз водосточная труба, а во дворе между корпусами лежала ночная темнота с редкими жёлтыми пятнами фонарей. След спулся по лестнице, однако Фыр заскреб когтями по камню и повернул ко мне полосатую морду.

«Позови чёрного. Сверху быстрее. Я не птица, чтобы падать по трубе ради твоих знакомых».

Предложение было разумным, оскорбление — заслуженным. Я провёл ногтем по родовой Печати. Линии на запястье ответили холодной иглой, кожа разошлась, и на краю знака выступила тёмная капля.

— Вы сейчас кого-то вызвали? — Бессонов поймал меня за локоть прежде, чем я опустил рукав. Свободная рука сразу прикрыла карман с уликой. — Я слышал, что родовые призыватели иногда считают предупреждение приглашением собрать весь зверинец.

— Попросил знакомого посмотреть сверху. Ваш конверт он не ест, если не блестит.

Я свистнул в окно. С крыши соседнего крыла сорвалась чёрная тень, дважды сложилась между стенами и ударила крыльями перед стеклом. Ворон уцепился за раму, качнулся вместе с ней и внимательно осмотрел Бессонова сперва левым глазом, затем правым. Единственное белое перо легло поверх чёрного крыла, как нарочно оставленная подпись.

Инспектор отпустил мой локоть, но ладонь держал рядом.

— Родовой?

— Мом. Тот самый, который решил, что выпускной недостойн его появления. — Через Печать я передал ворону образ Фыра у дверного косяка, лестницу и запах человека, ушедшего вниз. — Найди, куда он пошёл. Следи за человеком, не за красивыми вещами на нём.

Мом щёлкнул клювом возле лица Бессонова, выражая отношение к лишним свидетелям, получил от меня лёгкий толчок под хвост и провалился к нижнему этажу. Связь сразу отозвалась торжествующей мешаниной: движущееся синее, блеск металла, тёмная фигура и уверенность птицы, что задачу она уже поняла лучше меня.

— Синий цвет не является человеком, — предупредил я вслух.

Мом передал раздражение. Фыр тем временем топал вниз, тяжело и деловито, будто лестницу построили специально под его короткие лапы.

На втором этаже хлопнула дверца автомата. Затем кто-то зашипел с таким чувством, что фонарь Бессонова мгновенно ушёл на голос:

— Ах ты пернатая сволочь! Вязьмин, забери своего разбойника!

Хорь стоял у автомата с двумя бутылками воды под мышкой. Одной рукой он удерживал бумажный пакет с ватрушками, второй отбивался от Мома, который тянулся к синему жетону на дорожной сумке. Ворон рванул зубцами клюва бегунок молнии. Цепочка лопнула, жетон взлетел вместе с ней, и Мом унёс добычу на перила прежде, чем Хорь успел спрятать сумку за спину.

— Он сейчас доберётся до подкладки, — Хорь повернул молнию к стене и прижал пакет к груди. — Там мои вещи, а не ваша улика.

Мом разжал клюв. Синий жетон звякнул о ступень и прокатился к моему ботинку. По связи ударило чистое победное торжество: человек найден, блестящее поймано, работа выполнена лучше, чем способны люди.

Фыр обнюхал ботинки Хоря, один раз ткнулся носом в штанину и сел.

«Он. Стоял у двери. Пахнет водой, тестом и тем же страхом за тебя, который теперь прячет злостью».

— Ты был у моей комнаты? — Я поднял жетон за обломок цепочки и оставил на раскрытой ладони.

— Был. Услышал голос Бессонова, увидел свет под дверью и решил, что тебя всё-таки арестовали. — Хорь вытащил из-под локтя одну бутылку, сунул мне и не отпустил, пока я не взялся за горлышко. — Ты просил разбудить, если начнут уводить.

— Утром. Я просил разбудить утром.

— Ночь закончилась, когда я захотел пить. Ты живой, значит, я всё сделал правильно. Отдай жетон.

Бессонов снял его с моей ладони раньше меня и повернул эмалью к фонарю. На синем поле поблёскивали перекрещённые рапиры и мелкая надпись по ободку.

— Спортивный клуб Академии.

— Первая победа на перчатках, — Хорь подставил руку, но инспектор удержал жетон ещё мгновение. — Тренер выдал лично. Новую цепочку оплатит Вязьмин, потому что его ворона решила стать чемпионом раньше меня.

Мом расправил крылья над добычей и угрожающе опустил голову. Я положил жетон в ладонь Хоря поверх вороньего крыла, вынудив обоих разойтись.

— Он нашёл нужного человека, — объяснил я Бессонову, — а потом принёс вещь, которую сам счёл главной.

— Потому что синяя?

— Потому что синяя и блестит. Мом замечает сверху то, чего мы не видим с земли, но важность распределяет по собственному вкусу. Наблюдатель полезный. Думать вместо него опасно.

Хорь отломил от ватрушки румяную корочку и протянул Фыру. Барсук взял осторожно, придержал еду лапой и впервые за ночь посмотрел на Хоря с уважением.

— Воду дал тебе, — сказал Хорь. — Еду получает тот, кто действительно меня нашёл.

Мом немедленно перелетел ему на плечо и потянулся к бумажному пакету. Хорь убрал ватрушки под куртку.

— А этот пусть ест жетон. У него уже был шанс выбрать сторону.

Он сделал шаг к лестнице, но Бессонов положил поперёк прохода луч фонаря.

— Домой. Вязьмин останется со мной.

Хорь перевёл взгляд с инспектора на конверт в его кармане, затем на меня.

— Это уже арест или вы пока делаете вид, что гуляете?

— Воспитательная прогулка. Если ваш друг продолжит проверять каждую дверь плечом, название изменится.

— Тогда воспитывайте аккуратнее. Он у нас последний.

Хорь ушёл наверх, прикрывая пакет грудью. Мом проводил его взглядом существа, которому только что отказали в законной награде, а Фыр доел корочку и облизал нос.

Инспектор дождался, пока шаги стихнут, и постучал костяшкой по карману с билетом.

— Барсук взял запах, но не различил время. Ворон нашёл человека, зато принёс то, что понравилось ему самому. Если бы Хорь успел уйти, у вас остались бы синий жетон, спортивный клуб и прекрасный заговор фехтовальщиков, которые подбрасывают сургуч к дверям общепития.

— У меня осталось бы наблюдение. Дальше я проверил бы владельца, его маршрут и причину прихода.

— Сейчас легко быть осторожным: владелец стоял в десяти шагах и сам принёс вам воду.

— Бессонов поманил меня на площадку между этажами. — Хотите понять, что мы нашли у стены, садитесь.

Я посмотрел на холодный каменный подоконник.

— Прямо здесь?

— Здесь стены того же возраста. Ноги вытяните вперёд, затылок прижмите к штукатурке и перестаньте разговаривать хотя бы на один вдох.

Камень вошёл в спину ребром. Я сел ниже, вытянул ноги, упёрся затылком в стену. Фыр устроился у колен с остатком ватрушки, а Мом вылетел на наружный карниз и начал ходить вдоль стекла, недовольно постукивая когтями.

Бессонов выключил верхний свет. Автомат на площадке погас, лестница провалилась в темноту; остался только луч фонаря, который инспектор провёл по стене от моего затылка к плечам и груди.

— В северном закутке светлый след заканчивается примерно на такой высоте. — Он положил ладонь на моё правое плечо, вторую остановил над левым, показывая положение другого человека. — Аркадий сидел у стены. Канал открыли и не дали закрыть. Врач считает, в это время он ещё был жив.

Холод медленно прошёл от затылка под воротник, добрался до лопаток. Северный тупик перестал быть схемой на полу: Аркадий упирается головой в штукатурку, чужие руки удерживают плечи, сорок минут распадаются на сотни попыток оборвать связь и ни одной возможности встать.

— Сколько его держали? — Я накрыл запястье Бессонова и прижал его ладонь сильнее, до боли в плече, проверяя, какое усилие понадобилось бы для сопротивляющегося человека.

— При однородной стене — не меньше сорока минут. Здесь внутри кладки пустоты, поэтому лаборатория даст диапазон только утром. — Инспектор высвободил руку и растёр запястье. — Что именно это меняет?

Глава 13

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.